

Дмитрий Манасьипов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Манасыпов

Порох и соль

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Манасыпов Д.

Порох и соль / Д. Манасыпов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Чем пахнет приключение? Настоящее, не шибко фальшивое? Оружейной смазкой, сгоревшим порохом, вьевшимся потом, вражьей кровью, доброй сталью, неизвестным берегом, просмоленным деревом, мокрой парусиной, трофейным вином, листовым табаком и бескрайним морем-океаном? Именно так. Настоящее приключение измеряется узлами, морскими милями и звенящими золотыми, взятыми в абордаже. По местам стоять, псы соленые, корабль будет наш! Здесь сталь соседствует с магией, но вместо камня, песка или земли под ногами лишь палуба и темная пропасть морской глубины. Шкипер и корсар Хайнрих Кишки-Вон Хорне, старпом-альва Лисс, судовой хирург Свалк, морская ведьма Элейн, квотер-мастер Роди и остальные ждут вас. Содержит нецензурную брань.

© Манасыпов Д., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Море обжигает трусов-1	5
Мар-витт	9
Море обжигает трусов-2	20
«Дикий Кот»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Море обжигает трусов-1

Город пах морем. Не южными яблочными садами, не углем и навозом материковых муравейников, и не горячими пышками столиц. Этот город пах правильно – солью, смолой, рыбным рынком и тысячью грузов из дальних земель в порту. Именно так пахнет море и городское утро наполнялось им полностью.

Стреендам, родина мареманнов – северных моряков, воинов, купцов и разбойников, грелся в последнем тепле осени. Вытянутая глубокая бухта темнела мачтами, снастями и убранными парусами. У самого горла, входа в бухту, высились уже заметные башни со стенами фортов. Морская палата раскошелилась несколько лет назад на укрепление родного города и мысы, закрывающие главную кормилицу Стреендама, принимающие корабли, оцетинились стенами. Даже маяк, старый друг мареманнов, немного терялся рядом с ними.

Голосили чайки, встречая карбасы, идущие с моря и везущие улов. На пристанях голосили не меньше, но уже люди. Торговцы, грузчики, моряки, шлюхи и вездесущие мальчишки, крутящиеся возле пришвартованных судов. Светлели деревянные части пирсов, уложенные летом и пока не успевшие потемнеть. Взад-вперед развозили и разносили грузы, пришедшие со всех уголков мира. Стреендам, живший в первую очередь торговлей, собирал последнюю жатву перед зимними штормами, когда корабли встанут спать у причальных стенок, в собственных огромных пакгаузах и доках.

Мачты, мачты, мачты...

Так-так, согласилась, стукнув два раза, трость. Не очень давняя подруга, без которой теперь не обойдешься, вела себя порой как человек. Ну, либо просто передавала настроение своего хозяина, сопевшего и смотрящего на его, Хорне, собственные мачты. Все, блондеров хвост, пять мачт, известных как свои же пальцы левой руки. Четыре на ней и один, взаимно, на другой. Да, Хайнрих Хорне, кроме трости, к трем десяткам лет приобрел некий недостаток в собственном теле. Хорошо, что не в судах, так-так, вон они, «Марион» и «Дикий кот», вся крохотная эскадра Хорне. С них начал, ими, похоже и закончит. И...

Из-за спины донеслось:

– Думаю, шкипер, как вернемся – вставить нашему новому боцману.

Непонятная грусть удрала, лишь заслышав этот голос. Шкипер на корабле король и Бог, а старпом – его заместитель. И даже если внешне старпом ну никак не казался просоленным морским волком, то внутри таковым и являлся. Являлась.

А как ещё, если старпомом трехмачтового флейкка «Марион», родового судна Хорне, была самая настоящая мар-ши, морская альва, по имени Лисс? То-то же, что никак, мар-ши и есть мар-ши, рождены в соленой воде и вскормлены Морским королем, любящим своих старших детей больше прочих.

– Ленятся, псы, на палубе никого нет. – Хорне поморщился а трость, так-так, стукнула в брусчатку, соглашаясь. – Берег всегда ломант моряков, дай только им волю и понеслась лихая, не остановишь. Пороть их, чертей соленых, пороть!

Лисс не спорила, давно зная своего капитана и его привычки. Решил пороть кого-то прям с утра, так жди к вечеру громов с молниями всем, оказавшимся не там, где надо и не тогда, когда нужно. Потому молчала, явно надеясь сбить плохое настроение перед неожиданным деловым разговором, ждущим впереди.

Они стояли между зубцов форта Морской палаты. Город отсюда виделся как на ладони, но за такую-то красоту приходилось платить подъемом, а Хорне, последние пару лет опиравшемуся на трость, такие развлечения оборачивались круто... Потом. А пока он лишь злился, и без того злой от предстоящей беседы и приглашения, полученного через охранника главы Морской палаты – мар-яра.

Раз отправили к Хорне головореза, что провел их черным ходом, выведшим на макушку башни, то разговор ждет сложный, а дело выпадет опасное. И не сказать, что Хорне опасался таких дел, нет. Северяне не опасаются драк, они относятся к ним как к нужной необходимости. Другое дело, что если мар-ярл вызывал, в самый конец навигации капитана самого быстрого и удачливого флейкка, ходившего под флагом Стреендама, то явно не просто потрепаться и потравить байки.

Десятину и налоги Хорне внес в казну города по приходу в порт. Людей не распустил, по старой традиции команды, вернувшись к осени, ждали пять последних судов до появления льда у Нордиге. И, если те не возвращались, отправлялись на поиски.

Но, все же, так поступали все шкиперы, не разрешая мареманнам полностью уходить на зимние квартиры и одобряя лишь пьянку, кувыркания в борделях и всякую мелочь. Если мар-ярл вызвал Хорне, то ждать впереди похода. И не сказать, что он радовал. Стар, наверное, начал становиться, хочется осенние ливни с зимней стужей переждать у очага.

Так-так-так... задумалась трость вместе с Хорне. Блоддеров хвост, стоит меньше пить, в голову лезет полная ерунда с чушью.

– Вас ожидают, – пробасили сзади, – и поскорее.

Лисс тронула Хорне за локоть и, шагнув первой, скрылась в темноте потайного хода.

Морской змей, серпент, разорвав вытянутой башкой волны, навис над судном. Купеческий пузатый хог, пять нанятых стариков с копьями, вот и вся защита. Выпуклый черный глаз зверя косил на них, готовясь нанести первый удар, скалил поблескивающие клыки. Лица моряков перекосило, и это неудивительно... От серпентов всегда разит гнилью.

Хайнрих Хорне, рассматривающий первую картину из пяти, заказанных хозяином Морской палаты, поморщился. Серпент оказался чересчур громадным, а моряки стояли больно уж карикатурно. Ох, уж эти художники, нанимаемые за большие деньги и ни разу не видевшие моря. Что может быть хуже, чем рассказ о кем-то или о чем-то, ни разу не виденное самим? Тот, что довольно многое намного неприятнее, но порой шкипера раздражали и такие вот глупости, как мазня, заказанная для приемной хозяином, Морским ярлом вольного города Стреендам. Чего-чего, а денег ему, мар-ярлу, хватало.

«Море обжигает трусов», гласила подпись... Хотя бы в поговорке не ошибся. Хотя понимают ее далеко не все. У нее есть конец: храбреца море обжигает также, только храбрец быстрее привыкает.

Гость мар-ярла, рассматривающий живопись и морщившийся, явно не понимал.

– Море не может обжечь... – Настоящий дворянин, представившийся как «сьер Ламон» капризно дернул щекой. – Обжигает молоко, чай, это мерзкое, с пленками, какао, а не мо...

Сьер Ламон, изящный, гибкий, весь в бархате и атласе, переливающийся сапфировой крошкой пухлых накладных плеч кафтана, смотрелся среди мореного дерева и натянутых флагов погибших судов странно. В Стреендаме моду диктовали моряки, а моряки предпочитали одеваться удобно и практично. И не выглядеть птицами-папагалами, яркими, умеющими даже повторять людские слова, но не становящиеся от этого умнее.

Вот Хорне и не удержался, глядя на красавчика, перебил:

– Я бы выкинул тебя за борт, чтобы ты поверил в это. У Айсбергена, или на рейде Абиссы, когда листья начинают желтеть. – Так-так-так...его трость ударила в пол нетерпеливо и зло. – Сколько раз ты выходил в море, юноша?

– Я бы попросил! – Телохранитель красавчика, явно бастард, то есть, конечно – кавалль Ламон-Ру, шевельнув острыми усами, звякнул кольцами перевязи рапиры. Ладонь уже лежала на эфесе. Честь дворянских домов защищает вся семья, а уж младшие и незаконорожденные ветви с их детьми-приживальщиками особенно. Выбирать тем не приходилось, прямо как вот этому задире, с лицом в шрамах от дуэльных рапир.

Хорне, пусть и хромая, смог бы выйти против него, даже зная о своем проигрыше. Раньше – да, раньше бы они поплясали, пусть Хорне учился простой рубке, а не фехтованию, как этот усач. Но даже сейчас шкипер не продал бы свою жизнь за ломаный грош, взяв куда как высокую плату.

Вот только, так уж вышло, что после хромоты Хорне не часто отправлялся куда-то в одиночку. Пусть многие, из разряда глупцов, не принимали охрану Хорне всерьез. И...

– Мясо с завтрака оказалось жестковато? Хочешь этой зубочисткой поковыряться в зубах, красавчик?

У охраны и, одновременно, старшего помощника Хорне – вытянутые лазоревые глаза, мурлыкающий голос, льняные ласково-шелковые волосы и рапира. Тяжелая, боевая, украшенная лишь узором гарды. И тонкие, но удивительно сильные пальцы, уже тянущие ее из ножен.

– Успокойтесь, успокойтесь! – хозяин кабинета поднял руки вверх. – Мир-мир, милостивые сьеры, уважаемая мар-ши Лисс! Шкипер Хорне, господа из семьи Ламон наши гости. Не задирайте их, пожалуйста!

Так-так-так... трость сердито ударила по цветному узору паркета. Шкипер Хайнрих Хорне, прямой как его трость и такой же жесткий, заледенел в кресле. Гости, гости, глотать им кости... но мар-ярл прав. На то он и мар-ярл, глава Морского братства вольного города Стреендам, командор его флота и казначей Мар-ханз, Морской палаты.

А он, шкипер Хорне, пусть его и называют лучшим капитаном Стреендама, всего лишь шкипер.

– Мир, друзья, мир! – ярл кивнул всем: вновь прислонившемуся к стене каваллю и его рапире, лисьеглазой мар-ши с ее кошачьей улыбкой, недовольно пыхтящему высокородному юнцу и самому Хорне, застывшему в кресле.

И продолжил:

– Вот и хорошо. Сьер Ламон, вы наш гость, но шкипер Хорне имеет право на свое мнение со всем связанным с морем. Именно шкипер Хорне нужен нашему общему делу.

– Вы-ы-и увье-е-ерены? – тягуче-мерзко протянул сьер Ламон, напыщенный и надутый. Хорне, несмотря на все изящество юнца, он очень напоминал каплуна на птичьем дворе. Того самого, что полторы склянки назад выбрала Лисс и попросила пожарить с корицей, розмарином и орешками.

– Совершенно уверен, сьер... – ярл Хонк багровел. Багровел он часто, страдая полнокровием и щеками, подходящими барсуку. – Именно Хорне поможет вам, вашей высокой семье и отцу, да продлит Мученик его годы.

– И да повысит его щедроты Морскому братству, вы забыли добави-и-ит-ть, – снова тянул сьер Ламон, – но то и ладно. Ита-а-а-к, капьит-а-а-ан, вы выполните-е-е важное задани-йе-е.

Хм... Так-так... трость согласилась с Хорне. Пусть травит-врет себе, так даже лучше. А Хорне пока подумает, прикинет что к чему, да хрен к носу.

Двое из Бретоньера, точно. Даже не знай их имен, а знать их шкиперу и не положено, Хорне это понял сразу. В Нортумбере не такие широкие полы у кафтанов, не такие большие обшлаги. И галун идет острый, не плавными окружностями, как у этих. А у лиможанцев акцент как гавканье собаки, не ошибешься.

Сьеры Ламон, ох, ярл-ярл, старая лиса... Сьер тут один, этот щенок, капризно оттопыривший нижнюю губу и картинно смахивающий длинные волосы, отпущенные по тамошней моде. Вот он таки именно сьер Ламон, пусть и младший, пока еще не решающий все и вся.

Второй, петущащийся усач, просто рубака из незаконной ветви. Кавалль, из бастардов, младший родственник, да почти попрошайка, живущий за счет старшей ветви. Именно такие вот кавалли всегда склонны хвататься за оружие, цепные псы, телохранители, личная гвардия "золотых" домов Бретоньера, Лиможана и Нортумбера.

Важное здание? Само собой, что важное. Что может сделать для знати, даже в гальюн ходящей чистым золотом, шкипер Хорне?

Отвести на Айсберген проштрафившуюся фаворитку? Доставить из темного леса Квист двухсотлетнего знахаря для любимой ручной собачки? Быстренько сгонять к Жемчужным островам за ромом десятилетней выдержки и пятью краснокожими красотками в придачу? Вперхлест твою через планширь, дворянчик...

Шкипер Хорне сейчас узнает о настоящей цели. А цель проста: перевозка. Кого-то или чего-то. Тайно, очень быстро и молча. Все верно. Паруса "Марион" чернее души их капитана и обогнать его, поймавшего ветер, не могут даже "змеи" номедов, а язык за зубами лучше семьи Хорне никто не держит. Это все знают. Свои тайны семья Хорне уже два века хоронит под водой, если узнает кто-то со стороны. Хоронит, предварительно выпустив кишки.

– Оплата?

– Вы жадина и златолюбивый наемник, – проинформировал сьер Ламон, неожиданно перестав коверкать чужой язык. – Это хорошо, это профессионально. Говорят, вы и впрямь лучший. Так?

– Вот и проверим, – так-так-так, согласилась трость, – языком трепать – не караваны грабить.

– Он мне нравится, – неожиданно заявил щенок в голубом и золотом, переливающимся сапфировой крошкой, – положительно нравится. И его старпом тоже. Милая дева, вы же из альв? Таких, как вы, у нас уже нет. Сожгли, представляете? Как греховных порождений преисподней и ее слуг.

Лисс улыбнулась. Чарующе и опасно. Кончик языка, коралловый, нежный, легонько коснулся мягко дрогнувших светло-коричневых губ. Обычно, после такой улыбки, свистела сталь. Сейчас Лисс держала себя в руках.

– Я мар-ши.

– Пусть так... Повторюсь в своем вопросе – правда ли, капитан, что на корабле, кроме альвы, вы допускаете присутствие проклятой прислужницы зла, морской ведьмы из города Абисса?

Хорне ответил своей любимой паскудной ухмылкой, безмолвно кричащей скрежетом стали о сталь, стали о кость, стали о вываренную кожу.

Ведьма, значит? Проклятая прислужница зла?

Мар-витт

Так-так-так, сказала трость, выбив неровный ритм по настилу палубы. Непривычно хромать, непривычно опираться на трость, вот и не получается нормально идти. Можно привыкнуть ходить с палкой? А?! То-то... Вечно пьяный Свалк, сняв лубок, долго, грустно и задумчиво грыз чубук. Все попыхивал ненаглядной старенькой трубкой и молчал. Потом прищурился и сказал, как есть, а хирург «Мариона» врал редко. И не в тот вечер.

После сказанного капитан Хайнрих Хорне не просыхал пару дней. Ну, как... думал пару, пока, проснувшись, не принялся. А ветер тянул апельсинами, солью, гашишем и свежей смолой. Выйдя на мостик и углядев бухту с знакомым мрамором дворцов, шкипер расстроился – пара дней превратилась в неделю и «Марион» успел добраться до Робаллы. Хорошо, хоть он не вылезал из каюты почти до самого выхода домой. Юг Хорне не любил.

Так-так, жестко брякнула трость. И что тут у нас на палубе, за бортом и, собственно, вообще?

Мальчишка Худ драил палубу, и это правильно, самое ему место. У сходни виднелся истукан Байли и сверкал любовно начищенный протазан. Хотя, лучше бы кривоносый так же старательно вязал узлы на реях, блондеров хвост. Тощий черномазый трюмный матрос Йа-Йа катил бочонок. Катил по делу, бочонок пах яблоками и двигался к камбузу.

Так-так-так, сурово постучала трость, а сам Хорне скорчил рожу. Сильно хотелось придраться, но оказалось не к чему. Возле корабля и на нем самом, только вчера вошедшем в порт, не торчали даже портовые шлюхи. В отличие от двух таможенных чиновников-крючков, торчавших как раз на палубе. Как же, такая пожива, северный двухмачтовый торговый флейкк.

Таможенные олухи по-птичьи кивали головами. Митры на них, обшитые галуном, смешно дергались, позванивая колокольчиками на макушках. Чертов сумасшедший Юг...

Капитан на корабле царь и бог. А старпом главный ангел. И когда божок просмоленного корыта изволит отдыхать, горевать, заливать горе... Старпом превращается в дьявола. Или просто становится сам собой. Сама собой.

Лисс с чинушами никогда не церемонилась. Тонкая, гибкая, опасная, как клинок ее собственной рапиры, мар-ши смотрела на алчных крючков как на гуано, разговаривала, поплеывая через губу и расстегивала сорочку больше ровно на две яшмовых пуговицы, чем обычно. То есть до самого пупка. Что-что, а пупок у Лисс был хорош, не говоря о загорелых матовых округлостях, нагло светящих через тонкий шелк темно-коричневыми сосками. Крючки слушали, пялились и боялись, ведь Иных рас на Юге давненько не случалось. А мар-ши с ее льняными волосищами, скрывающими острые ушки и наглыми лазоревыми глазами, играющая тонкими сильными пальцами с ажурным эфесом рапиры, заставляла нервничать.

И...

Чу! Хорне недоуменно уставился в их сторону. Так-так-так, присоединилась трость, недоуменно побарабанив по палубе. Что такое, что за знакомый блеск вдруг мелькнул меж пальцев Лисс и перекочевал в тоненькую паучью лапку таможенника? Что за напасть, что за... Не померещилось ли?

Шкипер помнил товарный трюм как свои восемнадцать с половиной пальцев, сразу весь и полностью. И его содержимое, само собой. Пузатые круглые бочки засахаренных лимонов, низкие светлые бочонки рубленого табака, холщовые кипы его же, только в листьях, провощенные тугие кожи тонкой выделки, десяток рулонов мешковины, прячущих от сырости переливчатые шелка, плотные мешки кофе, шершавые цыбики чая, несколько прочных ящиков невесомого фарфора. За что, кракен им в глотку, совать золотые?

Так-так-так... Трость отлупила палубу. Хорне, не выходя из-за бизани, дождался ухода крючков.

Так-так-так-так, к трюму шкипер двигался как можно быстрее. Ох, быть кому-то поротым сегодня, не будь он Хорне Киш...

– Рорк, ну-ка, в сторону! – Хорне, прохромавший мимо неожиданно смутившейся Лисс, дернул щекой, глядя на Рорка. Тот так широко улыбался, всем видом показывая – мол, все хорошо, шкипер, что не верилось. Вообще. А уж порванный рукав его куртки говорил сам за себя.

Матрос Рорк в море шлялся в одних бриджах, не замерзая, наплевав на занозы, смолу и даже канаты-концы, свисающие с рей и, высохнув, частенько сдирающие кожу. Дорогую одежду, а такой Рорк считал любую, сотканную не из мешковины, матрос любил и дорожил. Не рвал сам и не давал портить другим. А это, как раз, было сложно.

Когда Рорк, сопя и треща палубой под ножищами, брался за вымбовку, остальная команда отдыхала, а якорь выбирался не просто быстро, нет. Он вылетал из воды мурлыкая, что твой кот. Когда кто-то хотел обидеть матроса Рорка, матрос Рорк поднимал нахала, крутил несколько минут над головой и ставил назад. Кумушки в родном порту шушукались про отца-тролля, мол обрехотившего матушку великана. Вранье, папашку-то шкипер помнил хорошо. Моряк как моряк... да. А вот мамку... Ее-то никто и никогда не видел.

И сейчас у матроса Рорка, высившимся над шкипером белым медведем, оторван рукав бархатной куртки, рассечена скула и фингал светит ярче трюмного фонаря. И?!

– В сторону! – буркнул, повторившись, Хорне. Так-так, согласилась трость.

За спиной Рорка, широкой как корма королевского трехпалубника пряталась напасть. Ее-то Хорне почуял всеми двумя переломами горбатого носа еще на палубе. Сейчас увидел, понимая свою правоту. Блоддер тебя раздери, откуда ж взялась на их головы?!

Лядащая, кости да кожа. Длинные темные пальцы, а три – без ногтей. Длинные темные волосы до самой тощей задницы. Длинные темные лохмотья, не скрывающие задорно торчащие девичью грудь. Длинные темнющие ресницы, прячущие настороженные темные глаза. Длинные и, для разнообразия, светлые узкие губы. Мог ли матрос Рорк из-за длинной темно-худой девки поцапаться с кем-то так, что старпом флейкка «Марион» из вольного города Стреендам стала платить золотом чинушам, лишь бы не шли в трюм? Мог... как и сам Хорне. Татуировки ее лохмотья не скрывали.

– Моя госпожа, – шкипер коснулся шляпы. – рад видеть вас на борту.

Мар-витт, морская ведьма из Абиссы, тихонько и облегченно выдохнула. Капитан с Севера чтит традиции, любой капитан и любые традиции. Но он же отвечает за людей, судно, груз. А запястья и шею мар-витт украшали давние следы кандалов и ошейника.

– Девочкой попала на Юг? – Хорне стукнул тростью. Надо выпустить злость.

Та кивнула. Удивленно уставилась на него. Откуда понял? Какая разница.

– Лисс, освободите каморку на носу.

– Да, шкипер.

– Надеюсь, ты не совсем отвыкла спать в гамаке.

Старпом не ответила. И даже не возмутилась. Наказать ее стоило, но не спать же мар-ши с матросами в кубрике, пока ее каюта будет занята, верно? Так-так, согласилась трость.

– Кому ты принадлежала?

Мар-витт показала левое предплечье. От сгиба локтя и до запястья, переплетаясь, вспучились шрамы трех серпентов. Морскими змеями рабов клеймили ойялла, чертовы водные бродяги без родных островов с домами, смуглые потрошители южного океана, разбойники Черного берега.

Как Рорк наткнулся на ведьму и ее хозяина? Как гигант с разумом ребенка разглядел и разгадал тату, как вспомнил обычай северных моряков? Абисса воевала со Стреендамом часто. Но мар-витт уважали в обоих городах.

Заклинатели соленой воды и ветров-разбойников нужны всем. Кому-то, правда, в цепях. Северяне предлагали встреченным мар-витт мясо, хлеб с элем, просили помочь. Южане же легко выдирали ногти колдуньям, не желавшим выполнять приказы.

Ее будут искать, даже если Рорк умудрился прихлопнуть хозяина. Какому пирату не нужна морская ведьма?

– Лисс, отваливаем. – Хорне сморщился от боли, ставшей сильнее. Нога подрагивала. – Роди!

Боцман, появившийся незаметно, отлепился от перегородки. Рыжие бакенбарды даже в полутьме трюма полыхали огнем, ручищи-окорока поблескивали бляшками кожаных браслетов-наручей – каждая за одну забранную жизнь. Квартердек-баса у Хорне не было, не по чину держать на флейкке мастера абордажа. Ему хватало боцмана Роди. Сейчас Хорне задумался про это, как про свою ошибку. Не стоит ли увеличить бойцов, а? Ладно...

– Готовься. Нас станут искать. Золото таможенникам это правильно... Только в порту всегда хватает глаз.

Над головой застучали сапоги. Лисс не кричала, ее слушались всегда. Рорк, перестав улыбаться, виновато глянул на Хорне. Тот кивнул, хваля гиганта, поступившего правильно. Чертов Юг, как же Хорне его не любил... Отойти стоило как можно быстрее.

Матрос радостно оскалился в ответ и загрохотал по трапу наверх.

– Мы отправляемся домой. – шкипер снял камзол, накинул на мар-витт. – До Абиссы не пойдем, но вы все равно доберетесь туда, если появится желание.

Та кивнула. И ничего не сказала. Ее именем Хорне не интересовался, глупая задумка была бы – узнать имя морской ведьмы. Захочет, так скажет, как ее называть. Северяне не совались в душу мар-витт, чересчур уж те темны. А в ее, души, наличие северяне верили, даже если речь о морских ведьмах или колдунах. И плевать Хорне хотел на мнение церкви Мученика и ее клириков, набирающее силу даже в Стреендаме.

Сон оказался теплым и золотым. Любимым, хотя вряд ли Хорне, проснувшись, сознался бы.

Ласковое золотое тепло песка, нагретого утренним солнцем. Прозрачная у берега лазурь бухточки. Дремлющий в глубине «Морж». Переливающиеся синие перья ее любимого папагала, всегда сидевшего на блестящем и таком красивом плече. Птица никогда не оставляла следов на смуглой тонкой коже. Садилась бережно и ласково, не выпуская агато-черных ятаганов когтей.

Прогревшаяся вода ласкала ее щиколотки. Крепкие и сильные, как и все ноги полностью. Созданные вращать в скачущую и скрипящую палубу, танцевать смертельную пляску-рубку с абордажными тесаками и крепко сжимать ими же, сладкими от жаркого пота, выбранного ею самой мужчину.

Ветер лениво играл длинными листьями пальм и ее непослушными черными кудрями. Ветер пах чертовыми апельсинами и их любовью, стекающей и высыхающей на гладких ласковых бедрах. Ветер...

Хорне стиснул зубы, стараясь не застонать. Ночью нога болела сильнее. Под утро порой просто сходил с ума от раскаленных крючков, рвущих икру и голень. Темный смоляной ром стекал на сорочку, катясь по давно небритому подбородку и похудевшей груди.

И почти не помогал.

Хорне выругался, нащупывая трость. Как и всегда, пальцы соскользнули с набалдашника, заставив ту стукнуть где-то внизу. Теперь ищи специально сделанный конец с перекладной. Где он, блондер раздери... А, нащупал.

Шкипер подтянулся, садясь и бережно подтягивая ногу к краю матраца. С маргейстом ошибаться было нельзя, а проклятый живой утопленник распахал мускулы, добрался до кости. Свалк, вечно пьяный и жуть какой талантливый, не дал умереть. И даже не отпил ног, лишь удалил черно-пурпурные лохмотья загнившего мяса, прижег и сшил заново... Пока Хайнрих Хорне грыз толстую кожу плетки, забранной у боцмана, седой и благоухающий ромом лекарь колдовал над его плотью. Наколдовал...

Сможет ли он нормально ходить? Хорне не хотел думать об этом. Не сейчас.

Он накинул кафтан, ночью стало чуть зябко. Юг или нет, ночи не всегда жаркие. Ткань пахла девчонкой. Все морские ведьмы пахли чуть иначе обычных девок... И не объяснишь, как и чем. Мускус, соль, медь проливаемой крови.

Так... так... так... Хорне старался не шуметь лишний раз, опирался на трость тихо, едва наваливаясь телом. Уставший человек спит крепко, да, но в море сон чуток. Пусть команда отдыхает. Второй кубрик как раз под его каютой. Трость опускалась медленно, стараясь не стучать сильнее необходимого.

Хорне не прошел и десяти шагов. Дверь каюты Лисс алела тонкими лучиками через замочную скважину и щели. Дверь выглядела незакрытой. Шкипер остановился, прислушался, втянул воздух. Дьяволова дочь, чем она занимается? Камзол пропах ей, ну да...

Из каюты тянуло той самой сладостью, знакомой каждому моряку, ходившему не у своих берегов. Кровь не перепутаешь ни с чем другим. Мар-витт творят колдовство на крови и морской соли, это знает каждый северянин. Это честно. Только вот он, шкипер флейкка «Марион», разрешения ей не давал. И не просил ни о чем. Хорне толкнул низкую дверку. Страшно? Да.

Мар-витт умели многое. И не любили чужих глаз. Даже будучи на чужих судах.

Свечи трещали, горя алым. Крови оказалось не очень много. Да и откуда ей взяться, если гвоздь из обшивки вскрывал лишь собственные вены ведьмы. Символы, уже затухавшие на стене, мерцали багровым. Хорне знал их. Видел. Помнил. Мар-витт собственной жизнью писала защиту его кораблю.

Темный глаз смотрел устало и с вызовом. Смотрел через плечо, блестя сквозь спутанные волосы, мокро лежавших на потных лопатках. Хорне кашлянул, стараясь не смотреть на смуглую плоскую задницу и спину. Позвонки можно пересчитать даже не присматриваясь. Ямочки на пояснице, мягко выпирающий холмик между ними, узкие бедра, выпуклые икры, плавно перетекавшие в тонкие, ладонью сломать, лодыжки и ступни с длинными пальцами.

Медь крови уже уступала густому мускусу. Хорне сглотнул. Горло пересохло как после попойки. Она чуть повернулась и оба темных глаза смотрели не отрываясь, затягивали внутрь бездны, прячущейся в них. Мар-витт легко управляли желаемым ими. Мужчина или женщина, какая разница? Ритуалы будоражат сильнее чего-либо другого, кровь бурлит и просит потушить ее.

Молодым Хорне повстречал ведьму, только закончившую колдовство. Домой он вернулся через две недели, жена, все понимая, ушла. Детей у них не случилось и он не особо горевал. Хотя и любил ее... по-своему. Но ее не помнил. А мар-витт вспоминал до мелочей, до узкой полоски волос подмышек, до следов материнства на плоском животе, стоило лишь закрыть глаза.

– Тебе надо выспаться... шкипер, – голос продрал до печенок, отозвался колючками мурашек вдоль хребта, закрался внутрь, не отпуская, – Я не нужна тебе. Уходи.

Хорне прикрыл дверь, остановился, переводя дыхание. Этого еще не хватало... Мотнул головой, прогоняя вдруг навалившуюся усталость. Сон? Да. И нога перестала болеть. Злые крючки не ушли, но пока не беспокоили. Почти.

Лисс разбудила его поздно. Солнце полностью хозяйничало в каюте. Делало золотыми и без того золотые волосы Лисс. Только вот вместо шелка сорочки Хорне смотрел на вываренную кожу нагрудника и металл чешуи на нем.

– Далеко?

Лисс кивнула.

– Ходко идут, Хайни.

Ходко идут... Ойялла славились скоростью, северному флейкку с ними не спорить, значит, остается драться.

– Они не станут договариваться, – Лисс намотала прядь на пальцы, аристократично повела тонким лисьим носом, – крови прольется достаточно.

– Не станут, конечно, – Хорне сел. Нога ныла, но не сильно. – Они наглые, они хозяйева, та девчонка их собственность. Не люблю Юг.

– Элейн.

– Так ее зовут?

– Да, она мне рассказала. – Лисс помогла ему с нагрудником. – Ты же боишься их и даже не подумал спросить имя. Сильно зацепила же тебя та ведьма.

Мар-ши вздохнула. Совершенно обычно, как не пристало Иной.

– Брось. – Хорне затянул перевязь, проверил два пистоля из славного города Рур. Редкая штука, вышедшая из рук дваргов, дорогая, но такая полезная. – Дело не в страхе.

– Да, – согласилась мар-ши, – не в страхе. В желании. Ты так смотрел на нее...

– Команда готова?

Лисс вздохнула. Зацепить ее не удалось. И, конечно, команда готова.

Так-так, так-так, так-так, трость стучала ротным барабаном, как в его молодости. Лишь бы нога не подвела совсем сильно.

Корму заваливало, море пьяно гуляло. Волны шарахали по фонарю кормы, разлетались прозрачной пеной, стекали обратно ручьями. Лисс кивнула на точку, явственно превращавшуюся в ойялльского трехмачтового «эмара».

– Два шестихвостых «скорпиона», один дьяволов орган на носу. Золотые паруса... Серьезные ребята.

– Много знаю о твоём народе, но не знал, как хорошо вы видите на самом деле. – Хорне усмехнулся. – Приятно удивлен.

Лисс расхохоталась. Рулевой, желтоглазый Баклберри, вздохнул. Громко и чуть осуждающе. Действительно, было бы о чем смеяться. Костлявая в этот раз решила тянуться к ним стрелами длиной с взрослого мужчину и жидким огнем, а эта смеется. Ай-ай...

– Я видела его в порту. Золотые паруса видны в трубу, а там стоял только один такой.

Это прямо меняет дело, так-так...

– Экипажа голов шестьдесят... пять. – Лисс стала серьезной. – Парусов больше наших раза в два-три. Догонят.

А то не знает. Еще как догонят. Не любил Хорне Юг. Даже больше, чем когда за ним гоняются.

– Он не выжил.

Мар-витт стояла рядом с ними. Куталась в теплый плащ.

– Кто ведет? В старших помощниках у помершего капитана был его сын? – поинтересовался Хорне.

– Брат. Всегда завидовал ему. Сейчас хочет стать сразу сильным и удачливым.

Кто не хочет? Хорне очень даже понимал неизвестного ойялла. Сильный-то ладно, а вот удача... Имей в трюме ведьму, закованную в цепи и сидящую на одном хлебе, удача может и попереть. Станешь тут гоняться за неизвестным северянином, желая забрать вроде бы свое.

– Как они нас нашли?

Элейн виновато пожала плечами.

– Младший брат не вышел в море, килевал корабль... на его «Рухе» есть моя сестра.

Хорне кивнул. Стоило взвесить все раньше, да...

– Мы не оставляем мар-витт в плену. Не бойся. С «Мариона» ты не ступишь на сходни в цепях.

– Знаю, – мар-витт поправила волосы, ветер трепал их как хотел, – твоя старпом не даст этому случиться. При любом исходе.

Лисс кивнула. Да, так правильно. Если им суждено проиграть, лучше умереть от клинка из северного железа, чем опять надеть южное. А уж морская ведьма и морская альва-ши поняли друг друга с одного слова. И взгляда мар-витт на резную рукоять кинжала старпома.

Хорне подошел к трапу на палубу. Флейкк подкидывало, море ярилось. Им же лучше. Ойялла хорошие моряки, и их «эмары» корабли что надо, да... Только вот в шторм южане воевать не любили. А северянам было просто не привыкать. Хорошо, ойялла этого не понимают, иначе отстали бы, не рвались догнать прыгавший по сине-зеленым горбам наглый флейкк.

– Э-э-э, парни! – Нога не слушается? Зато голос не подводит. – Нас хотят поиметь, обокрасть и выпотрошить, бросив на поживу акулам. Они идут по наши души и кошельки! Вон они!

«Эмар» светлел и золотился по левому борту. Пока не дистанция для «скорпионов», но скоро воздух начнет визжать, как побитая портовая шлюха.

– Эй, северные псы, это нас ходят подрать смуглые ублюдки! Что скажете, парни, что скажете?! Я думаю... Думаю, блондеров хрен каждой усатой южной девке с яйцами, да по самые кишки! Так, псы?!

Волны били о планширь, разлетались едкими солеными каплями. Пока лишь эта соль на губах. На переломанных носах. На кирпично-обветренных лицах, с морщинами и шрамами, на старых и молодых лицах со светлыми северными глазами... Пока это лишь соль моря. Его псы, верящие капитану, смотрели на мостик. Голодными злыми глазами взъерошенных перед боем волкодавов. Их мало? Кто такое сказал?

– Ху!

Не трожь северного пса без нужды.

– Ху-у!!

Не трожь, ведь клыки у пса из стали. Твердой и острой.

– Ху-у-у!!!

Хайнрих Хорне оскалился, харкнул себе под ноги, впечатав плевков каблуком.

– Стоять по местам! Ждать! Парни, наши предки смотрят на нас!

Мар-витт, стоявшая за спиной, охнула. Да, чертова ведьма, «Марион» плоть от плоти прошлых кораблей семьи Хорне. Пусть они умерли, пусть волны разбили их, выбросив на берег остатки! Их спины и их ребра есть здесь, как и души умерших северян. О, да, ведьма, ты же видишь, видишь всех, проливающих кровь на старое дерево, тут и там сплетенное с молодым корпусом и палубой. Наши предки с нами, ведь душа есть даже у кораблей. Хорне обернулся к ней, уставился серыми глазами в ее агаты.

– Ты хочешь вернуться домой, мар-витт? Помоги нам. Морским королем клянусь, мы тебя не выдадим! Но и ты помоги.

Лисс оскалилась, ударом рапиры отсекая горлышко бутылки в руке. Красная кровь лозы побежала по соломенной оплетке. Мар-ши захохотала, сбегая по трапу. Передала бутылку кому-то из ребят. Роди, бросив в ножны на поясе обе абордажки, перехватил, махом осушил, швырнул за борт. Скрипела кожа, звенела сталь, ругань сыпалась похлеще водопадов из-за бортов.

– Я помогу. – Мар-витт Элейн скинула плащ, оставшись в кожаных полосах юбки. Ведьминой юбки, единственной одежды, признаваемой мар-витт для своего чародейства. Волна

хлестнула холодной прозрачной плетью, побежала по шее к груди, к острым темным кончикам каждой. Ведьма рванула запястье зубами. Размашисто окропила палубу кровью, пахнущей медью и медом.

«Марион» почти незаметно вздрогнул. Палуба еле слышно взвизгнула, сжимая доски. Скрипнули борта, чуть вогнувшись внутрь. Мар-витт половинила себя, сливаясь с кораблем и даря тому часть собственной жизни, рождалась, связывая воедино свою судьбу и просмоленные доски.

– Там отмель! – она кивнула вправо. – Сейчас на нее не сесть!

Хорне довольно осклабился. Отмель? Хорошо. Его дед пару раз делал сумасшедшие штуки, но возвращался домой. На третьей его новое судно пошло ко дну вместе со шкипером, но дед тогда выкарабкался и снова сделал «Марион» своим главным кораблем.

– Где?

Мар-витт показала еще раз. Положила руку на плечо Хорне, и он... Он увидел.

Матово сияющее пятно, в полтора кабельтовых, напротив острого шпиля скалы какого-то острова.

– Баклберри, право руля! Еще! Еще! Так держать! Рорк!

Громада скрипнула трапом, выросла рядом. Отец его был с Нордиге, черноволосый варвар-горец, осевший в Стреендаме. Сын шел по его следу, тому, что не оказался залит выпивкой. Синяя глина из горшка, постоянно таскаемого в мешке, засыхала на пол-лица и половину груди. А в каждой лапине Рорк сжимал по тяжелому топору.

– Сторожи ее. Дойдет до абордажа – умри, но сохрани.

Рорк выдохнул пар, довольно осклаившись.

– На сколько тебя хватит? – Хорне посмотрел на ведьму, сидящую на коленях, вцепившуюся в доски. Кровь медленно и ровно бежала по змеям татуировки, мешалась с водой, вьедалась в палубу. Пока мар-витт слита с кораблем, «Марион» сильнее самой стихии.

Она мотнула головой, закусив губу. Смуглость отступала, становилась пеплом, но пока только на плечах. Скоро бледной станет грудь, живот, бедра. Когда лицо станет творогом, мар-витт провалится в черноту долгого сна. Или умрет.

– Сможешь удержать якорь и цепь, когда скажу?

Агаты глаз блеснули алмазной крошкой. Морское колдовство не просит слов и жестов. Оно молча жрет изнутри болью и высасывает силы. Море жестоко, но справедливо – дает и забирает одновременно.

Элейн кивнула. Хорошо. Хорне обернулся к преследователю. Ойялла, смуглые сукины дети, шли хорошо, залюбуешься.

Эмар разрезал шторм, шел через него, как колун через березовое полено. Дробил тараном волны, раскидывал пену носовым украшением, охотником с копьем, желающим пройти сквозь ребра северян. Ойялла уверенно рвались к добыче, чуя успех шакальими носами.

«Марион» скатился с водяного горба, встретил правой скулой следующего. Мачты гудели, тряслись в напряжении, туго натянутые ванты от воды стали жестче дерева, ветер рвал паруса, но те пока держались. Опаловое свечение не угасало, становилось ближе. Баклберри вел «Марион» по курсу, и Хорне верил в него, как в самого себя. Его команда – его семья, эти не подведут. Никогда.

Лисс закричала. Хорне обернулся к кораблю ойялла, понимая – только он мог привлечь внимание. И угадал, там, на эмаре, все же не выдержали, черти солёные!

«Скорпионы» били стрелами, брызжащими раскаленными каплями ханьского огня на кончиках, разгорающегося от скорости. Шесть хвостов орудия, шесть тугих канатов, шесть четырехгранных деревянных птиц со стальными клювами и пламенной слюной, подпаленной прислугой. Увидел ряд одинаковых огоньков вдоль борта – жди непрошенные подарки.

Стрелы шипели и плевались незатухающей огненной яростью. Две первых легли в сторону, забрав вправо. Две следующих зло прошелестели над головами. Бессильно и яростно раскидали алую слюну по палубе. Их ждали, гасили толстыми тюленьими кожами, греющимися, но не занимающимися огнем. Ханьский огонь тяжело тушить водой, его надо душить, не давать ему воздуха, только так спасти деревянного коня, пляшущего под ногами.

Ветер выл и выл, стегая своими холодными плетями. Флейкк разрезал чуть утихшие волны, раскидывал перед собой зеленую бороду пены. Северное дерево, впитавшее кровь мар-витт, скрипело, не подавалось перед ударами моря, гулко ломящегося к остывшим трупам и пока горячим людям. «Марион», который раз, спасал команду, держась на соленых темных гребнях.

Вверху клокотало, не желая успокаиваться. На горизонте, порой оказываясь перед глазами, черно-серые клубы сплошного штормового неба обнимали штормовое кипящее море. Юг, как всегда, показывался во всей красе, из райского голубого зеркала превращаясь в малахито-зеленого водяного монстра, желавшего человечинки в жертву.

Хорне не любил Юг и за это, пусть и не так сильно, как за кое-что другое. И был готов терпеть его только из-за прибыли, не больше. А вот как сейчас... а вот как сейчас ему не очень нравилось. Но уж как вышло, с судьбой не поспоришь, Морской король любит метать кости, глядя на моряков, идущих по его владениям. И тут уж какая зернь выпадет, то и будет.

А Морской король еще и шулер, все северяне это знают. Шторм, враг за кормой? Верно, держи, Хайни Хорне, чтущий традиции и помнящий их, чертову тощую девку мар-витт, глядишь, снова выкрутишься, выплывешь, пёс соленый...

– Шкипер! – крикнула Лисс. – Мы долго будем от них бегать?!

Хорне оскалится в ответ, так-так, согласилась трость. Старпому не терпится вступить в бой, скинуть этих ублюдков с хвоста, отправить вниз, в холодную бездонную пустыню. Хорне самому хотелось этого же не меньше. Бегать от этих, считающих себя бойцами, если их в два раза больше противника? Не любил он Юг, совсем не любил.

Опал отмели, подаренный зрению Хорне морским колдовством, мерцал через воду, ставшей черной. «Марион» почти добрался. Но Морской король, играющий в кости, решил чуть поменять исход игры. Хорне замер, начав поворачиваться и понимая – хромая нога плоха во всем, особенно сейчас, вдруг схваченная судорогой. Так... сказала трость, впиваясь в настил и превращаясь, вместе с хозяином, в статую.

Стрела прогудела у самой надстройки. Хорне, скрипя зубами от боли и не шелохнувшись, проводил ее и устоял на следующую, не заставившую себя ждать. Ойялла повезло, пусть и не полностью. У «Мариона» еще есть старпом. Ведь следующая, прячущаяся за сестренкой, летела прямо на Хорне.

Мар-витт вскрикнула, рванула левую руку, сочно оторвав ее от палубы и, залившись кровью, выбросила из звонко звучащее проклятие. «Марион» вздрогнул, оставленный своей живой сестрой. Море, призванное мар-витт, охнуло, выбросив из пучины сверкающий водяной столб. Упругая струя ударила стрелу, сломала, сделала бесполезной. Вода опала всей своей огромной массой, бесшумно из-за рева шторма вокруг.

А ногу отпустило, и Хорне, никого не стыдясь, всхлипнул, сделав первый шаг. К ней, к смуглой и блестящей от воды девчонке, снова вернувшейся к своему делу.

Ведьма, заплакав в голос, вцепилась обратно в доски. Хорне, хромая, оказался рядом, влил в сжимающееся горло ром из фляги. Придерживал голову, пока та жадно глотала спиртное, чувствовал сердце, бьющее рвано, с остановками. Смотрел в белое, как мука, лицо, чуть поняв – чем ей давалось все это. Глаза мар-витт не блестели алмазами слез. Глаза ведьмы превратились в черную бездонную бездну боли, где она плавала, захлебываясь ею.

– Держаться! По местам стоять! – рявкнул Хорне, перекричав ветер и волны, гул парусов и рычание кренившегося корабля. – Лисс, готовь правый якорь!

Эмар нагонял. Пару раз доносился грохот барабанов. Ойялла выли, вгоняя себя в раж. Будет вам бой, ублюдки, блондеров хвост вам в глотки!!! Скоро, скоро будет!

– Роди! Скажи Донеру – канонирам готовиться!

Рыжие бакенбарды мелькнули, улетаая вниз. Хорне, вцепившись в дрожавшие ванты, выпрямился, глядя на совсем близкого врага. Втянул в себя запах моря, своей свободы и силы, пахнувшей солью. Скоро здесь добавится пороховая гарь. И так будет правильно.

Ойялла слишком много, эмар крепкое судно, абордажа не избежать. Море бесится, не прицелиться, лишь бить в упор. А своих ребят Хорне любил и терять не хотел... Ни одного.

Ладно, пора, пусть увидят, сволочи, на кого напоролись. Хотя Хорне не обольщался, здесь же Юг.

– Флаг поднять! Ху!

Хорне не любил Юг. Здесь его не знали. Даже мар-витт, увезенная девчонкой, не узнала, значит, и не помнила. Но на Севере лишь флот номедов готов гоняться за Хайнрихом Хорне, за Хайнрихом, мать его...

– ХУУУ!!!

Сорок глоток рывкнули разом. От носа и до корма, от планширя и до трюма. Его псы взвыли, вызывая вражью стаю. Его псы, его, мать вашу, корсара Хорне-Кишки-вон!

Хлопнуло над головой. Даже через рев бури и шлепки насквозь мокрого такелажа.

– ХУУУ!!!

Багово-алое, как засыхающая кровь. Серо-черная костяная голова мар-хунда, морского пса, скалящегося с перекрещенных костей. Флаг Хорне-младшего, последнего из Хорне-Кишки-Вон.

– Якорь! Руль вправо! Держаться всем!

Цепь загрохотала, падая в рокошущую бездну. Непроглядная черная тьма под килем испугалась, бросилась в стороны, пропуская железо. Баклберри навалился на рулевое колесо, бросая судно в разворот.

Мар-витт закричала, перекрывая все звуки, бурю, грохот разъяренного неба. Крик, скрип «Мариона», треск задрожавших мачт, гнущихся и стонущих, единый вопль моряков-северян, вцепившихся кто во что смог и стоящих под падающей стеной воды, поднятой разворотом, сумасшедший ритм барабанов ойялла, все разом. Крик морской ведьмы резал сам воздух, заставляя кричать других, ощутивших ее боль и гнев моря, которому ведьма не сдавалась, борясь за жизнь и свободу.

Флейкк вздыбился, почти лег на борт, почти... Мастерство корабелов и сила мар-витт сделали свое дело. «Марион», ухнув вниз, вздрогнул, выпрямляясь. Звонко и страшно подались звенья цепи, лопнули, разлетаясь в стороны. Хорне скалился волком. Маневр удался. Борт «Мариона» смотрел в борт эмара. И шкипер даже видел смуглых мокрых усачей, воющих через шторм.

Как старпомом может оказаться баба, пусть и из мар-ши? Да просто: корабль заново делала ее семья. Вот вам и сюрприз, сволота южная...

Лепестки, прячущие орудийную палубу, все в узорах и кажущиеся невесомо-ненужными, красивыми и бесполезными, дрогнули, пошли в стороны. Выпустили наружу наглые и голодные жерла восьми каронад, снаряженных гренадами, брандкутелями и книппелями. Ойялла загомонили... поздно. Чугунные звери рывкнули разом, харкнув пламенем, дымом и снарядами. Донер не любил шутить в море и хорошо знал свое дело.

Первый книппель, свистя цепью, в труху разнес носовую надстройку с «дьявольским органом». Жидкое пламя его зарядов растеклось по доскам, ухватило несколько людей. Второе цепное ядро сделало самое нужное. Сломало бизань, почти у самой палубы. Тяжеленное дерево рухнуло вниз, заваливая фок-мачту. Люди метались, отскакивали, прятались... и не успевали.

Мачты собрались свой урожай, выкинув за борт и превратив в лепешку трех-четырёх ойялла. Первая жертва Морскому королю осталась за Хорне и Севером.

А эмар, пока не сбрасывающий скорости, продолжил отзываться стоном дерева, только теперь уже внутри. За проломами, оставленными единственным, таким нужным и таким чудесным залпом, сделанным канонирами «Мариона». Парни Донера молодцы, Хорне оскалил зубы, радуясь удаче.

Брандкугели и гренады загрохотали на двух нижних палубах корабля ойялла. Несколько раз вырвалось пламя, жирное и плюющееся искрами, видать, попало какое-то масло. Хорне закричал что-то, не слыша самого себя. Кровь стучала в виски, звала в бой, накинувшись самым настоящим амоком, не хуже, чем у рыжих парней из Норгейр. Кровь требовала боя и чужой крови, разбрызганной и выпущенной, растекшейся по доскам и растворенной за бортом. И Хорне не спорил с самим собой, не стоило. Это будет его последний бой, и он не спрячется, чертов калека, он встретит смерть и уйдет к своим, в темноту, раз уж больше не может даже стоять на палубе. Такая жизнь не по нему.

Хорне сплюнул, видя маневр врага и зная, что будет дальше. Сам он поступил бы точно так же. А раз так... Шкипер вытянул тесак, черный, старый, тяжелый. Дед оставил перед последним походом, откуда его привезли холодным и твердым, как плавник с песчаных пляжей Стреендама. Может, дед чувствовал, кто знает... Но тесак оставил, а внук с ним больше не расставался.

Эмар, полыхая изнутри в трех местах, навалился на флейкк. «Марион» шел вперед, но выброшенные кошки вцепились в бок, притянули-стреножили. Тенями мелькнули два абордажных мостика-корвуса, грохнули по палубе его, Хорне, корабля. Да и ладно... От драки ли ему бегать, если собрался продать свою жизнь подороже?!

Стрела «скорпиона», выпущенная так близко и подло, чуть не опалила лицо. Загудела дальше, сбив с ног Рорка, сбросив великана с мостика. Ведьма белела призраком, почти смертельно обескровленная. Татуировка зелеными змеями жила на ее коже, разрастаясь по рукам и лезла на грудь, шею. Мар-витт даже не хрипела, просто хватала воздух широко открытым ртом, давилась им, попадавшим пополам с соленой водой, бьющей из-за борта. Задыхалась, но не отпускала настил.

Хорне, скрипнув зубами, оказался рядом. Оторвал от переплетения заклятья, горевшего алым на досках. Баклберри выругался, лязгнув выхваченным тесаком и выругался еще раз, рокоча тарабарщиной Оловянных островов. Хорне оглянулся.

Ойялла уже были здесь. Сталь скрежетнула о сталь. Плеснула первая кровь, оставшись за северянами, Баклберри умел не только стоять у штурвала, его тесак плясал крест-накрест, отбивая кривые клинки южан. Хорне накиннул на ведьму забытый плащ, воткнул тесак в палубу, встал на пути тройки, бегущей к нему с палубы. Кормовые украшения полыхали, ханьский огонь со стрелы грыз их без жалости.

Оба пистоля не подвели. Жахнули свинцовыми орехами, отправив к морскому дьяволу двух ойялла. Ха, пришла пора звенеть железом, выпуская кровь...

Шкипер Хорне Кишки-Вон выпрямился, освободив трость от ненужного дерева. Выпустил наружу тонкий прямой клинок, сделанный Роди за следующую ночь после того, как сам шкипер выжил. Забыв про боль шагнул вперед, блеснув алыми отсветами на обоих острых полосах стали, ждущих скорого боя. Алое плясало на дедовом тесаке и на новой, такой тонкой рапире, скорее всего вступившей в бой первый и последний раз

– Ху!

Сталь о сталь, почти не двигаясь, работая только кистями рук и плечами. Надолго ли его хватит? Плевать, он Хорне Кишки-Вон, и его семья никогда не бегала от врагов. Даже если осталась одна рука, как когда-то у отца. А у него их целых две, вот как!

Звон, лязг, парировать, чуть сдвинуться, снова отбить, ужалить левым, протыкая горло усача, рубануть тесаком вниз, подлым хитрым ударом, пластая ляжку ойялла надвое. Кровь лилась и лилась, смешиваясь с темной кровью мар-витт, в шторме никак не впитывающейся в доски.

Хорне, скрипя зубами, отодвигался назад, оставив два тела перед собой и стараясь добраться до двух оставшихся. Его чиркнули и даже проткнули, но легко, он знал, такое понимаешь лишь пройдя много схваток и драк. Сталь о сталь, уже тяжелыми и воющими от боли руками, отбить, отступить на полшажка, выдержать, не упасть, ответить, зацепить самому, хрустнуть тесаком по ятагану, отбивая в сторону и прямым впитаться во врага. Молодец, молодец, Хайни, так держать, ху!

Снизу раздался медвежий рев, треск, ор и грохот. Но понять, почудилось ли ему что Рорк жив или нет, Хорне было не суждено. Хромой не справится со здоровыми. Как не сжимай зубы и не терпи боль. Последний ойялла достал его.

– Ты будешь долго жить, шкипер.

Хорне захрипел. Пить хотелось невероятно. Вода потекла в рот тонкой струйкой.

Он открыл глаза, огляделся. И выдохнул. Каюта. Его каюта. Темно, светит один фонарь, стоящий у койки. Темный силуэт рядом. Длинные волосы, голые плечи...

– Мы дома?

Она наклонилась ниже. Пахнула цветами и морем. Хорне усмехнулся. Почему морские альвы даже в море пахнут цветами? Губы Лисс оказались совсем рядом. Но прежде... Тихим сладким шёпотом ему в ухо:

– Мы прошли Зеенсмарку. У нас очень мало времени. Потом мне же снова надо быть твоим старшим помощником.

– Корабль?

– Цел. Товар... Товар тоже почти цел. Такелаж не успел сгореть, планширь нарастили на стоянке у Оловянных островов.

– Люди?

– Роди... Роди тоже не совсем целый. Баклберри ушел на дно, Свалк его не спас. Агам, Шоллен, Кистас, эти тоже. Рорк живой, но без глаза. Он тебя и спас. И мар-витт. И корабль. Перерубил концы с кошками, мы отошли. И дали еще один залп. Они пошли на дно. Пленных продали в шахты, на островах.

– Хорошо. – Хорне поискал глазами бутылку. Лисс всунула в руку. Ее любимое пойло, сладкое нортумберское... Сойдет. – Спасибо.

– Да не за что. Так... шкипер, смотрю, ты ожил. И не смей снова прикидываться, время уходит.

Фонарь она не гасила. Никогда.

Море обжигает трусов-2

– Хорошо... – съер Ламон красиво и куртуазно достал табакерку, выточенную из кости и украшенную крохотными зелеными каплями.

Лисс кашлянула, посмотрев на Хорне. Да, милая, так и есть, эти самые полупрозрачные слезки стоят как весь такелаж "Мариона". А у флейкка не просто парусина. У корабля и дома шкипера Хорне с ветром спорят полотна, тканые родственницами его старпома. То есть такими же красивыми опасными кошками мар-ши, и?.. А цена их труда очень высока. Хорне не платил за паруса золотом или камнями. Его цена вышла другой. Вспоминать ему не хотелось. Чересчур высока и чересчур красного цвета она была.

– Вы направитесь к Зеенмарке, где через два дня, в полнолуние, встретите две глекки из Доккенгарма.

Так-т-а-а-ак... трость согласилась со своим хозяином. Доккенгарм, значит. Соседи, северяне еще большие, чем Стреендам. Моряки, разбойники, наемники. Суровое побережье, скудная каменистая земля, лишь к восточным границам дающая урожай. Северные хозяева морей не любили друг друга, но уважали. Потому как союзы они заключали чаще, чем дрались. Из-за тех, кто жил еще дальше к льдам. Из-за Абиссы, чертовой проклятой колыбели безумных колдунов и их подруг. Таких же, как живущая на "Марионе".

Хорне уважал мар-витт. Как и все северяне, живущие морем. Ты можешь набрать лучшую команду и заказать в Бурке лучшее судно. Ты можешь поставить на каждый борт по пять, семь, десять и больше орудий, стоящих по половине своего веса золотом. Ты можешь бороздить все изведанные моря с самого детства и ловить ветер парусиной из Тотемонда. Можешь... Но если прогневишь мар-витт, то пойдешь ко дну. Абисса рожала детей-демонов, а колыбелью им, каждому и каждой, становилась соленая темная бездна.

– Доккенгарм? – Хорне посмотрел на съера Ламон. – И?

– На ваше судно поднимутся пассажиры. Три человека.

– Куда должно их доставить?

– В Сеехавен.

Вольный город на Зеркальном озере, почти у самого конца Длинного моря. Так-так... трость стукнула совсем негромко. Хорне думал. Ничего сложного? Ай-ай, не бывает такого.

– Кто мои пассажиры.

– Вы получите три тысячи золотых. Первую тысячу задатка прямо сейчас.

– Кто мои пассажиры?

Мар-ярл кивнул аристократу. Да-да, красавчик, если ты говоришь с Хорне, так говори сразу и все.

– Высокородная девушка и ее сопровождающие.

Ясно... Высокородная? Тайком и на судне корсара, пусть и ходящего капером, имеющим все необходимые бумаги.

– Пять тысяч. И четыре медные легкие пушки, по двадцать ядер на каждую, по двадцать мер бурого пороха из Тотемонда. Половину золота сразу, как и все пушки. Это мои условия. Думайте. За ответом вернусь завтра. К обеду.

– Зачем тебе еще пушки? – удивился мар-ярл. – Куда?!

Хорне пожал плечами:

– Хочу заказать люггер, чтобы сопровождать рыбаков в море. Вложения в старость.

Лисс усмехнулась. Именно так, милая, и ты же смеешься не из-за бредовых слов о суденышке для береговой службы, нет. Ты все поняла верно, моя мар-ши. Мы же им нужны.

– Согласен.

Не торгуясь? Дурачок ты высокородный, вот ты кто...

Ночь пахла солью, факелами на улицах и цветами. Солью город пах всегда, цветы принесла с собой Лисс, а вот к факелам она не имела никакого отношения. Хотя тут Хорне мог поспорить. Ее страсть явно отдавала пламенем, жадным, буйным и обжигающим. Так что спальня вдобавок пахла и любовью. Плотской, сладкой и уж точно греховной, чуть перечной, смешавшейся с ее острым и чуть мускусным потом, блестящем на плечах.

Кёре Пропт, служивший в соборе Мученика у Рыбного рынка, никак не мог привыкнуть к мар-ши, жившим в Стреендаме вольно и так, как им хотелось. А уж Лисс, с ее привычкой расстегивать сорочку почти до пупка, хитрыми прозрачно-лазурными глазами и нежно-розовым языком, как на грех облизывающим губы каждый раз, как встретит священника...

В его глазах Лисс являлась самым олицетворением искушения хозяина преисподних. Да и блоддер с ним, лысым тощим пеликаном, тайком пялившимся на крепко-задастых молочниц. Греховная демоница, ну-ну...

Хорне усмехнулся в полутьме, поняв – ему не хватает трости. Так-так, отозвалась та в голове, так-так. Трость заменила другой голос и не поймешь – хорошо оно или плохо.

– Мм-м, вспомнил веселое? – Лисс, темнеющая на простынях смуглым тонким и прекрасным сосудом греха, укусила плечо шкипера. Острые мелкие зубки впивались больно... даже очень больно... да... но... Хорне любил ее укусы. Потом вспышку на коже тушили ласковые мягкие губы, потом к ним на помощь приходил язык, потом...

– Люблю моряков. – поделилась Лисс. – Бушприт всегда наготове. Так ты вспомнил веселое?

– Без бушприта моряку никак... А уж корсару так особенно. Люблю, когда бушприт смотрит в корму судна с призом. Мало ли интересного и неожиданного может ждать? Не вспомнил ничего, только этого, лысого дурня, что тащит всех ныть молитвы в церкви, подаренной Морской палатой.

Лисс перестала заниматься его, Хорне... такелажем. Шлепнула по нагло потянувшимся рукам. Села, откинувшись на спинку кровати. Старой-доброй баронской кровати, с резными украшениями, привезенной дедом Хорне из похода на магистратуру Шварценхаффен. Спинка скрипнула, благородным звуком красного дерева.

– Они опасны, эти лысые серые святоши... Моих братьев и сестер не отыщешь на юге. Их сожгли почти всех.

Хорне не ответил. Мир менялся. Места альвам находилось все меньше.

– Тебе не кажется, что мы продешевили, шкипер?

Так-так... стукнула трость в голове Хорне. Лисс очень легко превращалась из тягучей и невыносимо прекрасной мечты в свою настоящую реальность. Холодного, опасного и острого, как ее рапира, старшего помощника "Мариона". И очень-очень часто делала это вовремя и верно. Как бы не хотелось...

Хорне кашлянул. Ночь длинная, вино не закончилось, радуйся жизни, шкипер.

– Не кажется. Я уверен в этом. Что общего между дворянами Доккенгарма и аристократами Бретоньера?

Лисс не ответила, лишь усмехнулась.

– Значит, мы с тобой в такой паутине, где пауков несколько. Знатная девчонка и идти в Сеехавен... Мутное дело, само собой.

– Что будем делать?

Хорне встал, привычно лапнул собственное бедро, ожидая боли. Но она пожалела, лишь чуть куснула оставшиеся и плохо сросшиеся мышцы. Прохромал к окну, глотнул воздуха. Подоконник, широкая сланцевая доска, холодила ладони.

Дерево в Стреендаме мало и оно дорого. Камня куда больше. Да и удобнее же строить из него, холодного, прочного и не горючего. С такими соседями, как у вольного города на взморье, это весьма насущный вопрос.

– Возьмем груз и идем в Сеехавен. Длинное море узкое, потеряться сложно, но это море...

– Мы там должны, Хайни. – Лисс сейчас смотрела на него. Ее глаза Хорне всегда ощущал кожей, острыми мурашками, бегающими по ней. – Ты же помнишь.

Он помнил. Они должны, это верно. Еще один долг, что не закроешь, открыв сундук или кошель.

– Прорвемся, не впервой. И сыграем, если будет нужно, с этим щенком и всей его родней, решившей повернуть свои фокусы с нашей помощью. У нас есть флейкк, команда, сталь и порох. И у нас с тобой есть мы.

Лисс не ответила. Да и не стоило. Хорне знал это и так.

Мар-ши ветрены, своенравны и свободны. Морские альвы страшны в бою, прекрасны в любви и невыносимы в обычной жизни. Это знают все. Об этом рассказывают сказки детям. Об этом маленькому Хорне рассказывала тётка, единственная старшая родственница, оставшаяся у него. Хорне любил слушать сказки, любил представлять альв-ярлу, прекрасную, тонкую, пояс ладонями обхватишь и облитую серебром парчи. И даже мечтал о...

Выросший хмурый Хорне не любил вспоминать детские мечты. И взамен ярлы в невесомой ткани у него случилась Лисс. И он верил ей как себе. Мар-ши стояла на палубе с ним еще с дела "Дикого Кота". И если уходила, то все равно возвращалась. Надежная, опасная, близкая.

А смотреть на нее и любоваться? Хорне любил ее в кожаной вонючей штормовке и шляпе-зюйдвестке. В абордажном жилете и сорочке, багровой от запекшейся крови. В платье из той самой, прямо рыба чешуя, серебристой парчи, больше открывающее, чем прячущее. И любил ее без одежды.

– Шкипер, как всегда, прав и суров, – Лисс явно усмехнулась, – хорошо. Мы идем на Зеркальное озеро, через Длинное море, зная, что нас считают пешками и понимая, что драки не избежать. Блоддер им в задницу, всем и каждому. Ты прав, Хорне. А теперь, будь так добр, вернись к женщине. Ибо красивых и чертовски грешных женщин, особенно таких дочерей зла, как я, нельзя оставлять одних надолго. Ибо грех точит меня изнутри и не дает заснуть. А молиться я не люблю. Как там твой бушприт?

Лунное серебро стекало по ней, мягко и ласково. Кралось по узкому сильному смуглому корпусу ее собственного корабля с дивными обводами. Пряталось в рассыпанном по подушке льне шелковых парусов и совершенно не скрывало идеально изогнутой кормы.

Хорне вздохнул, понимая, что может даже стар для нее. Но точно не сегодняшней ночью.

«Дикий Кот»

Зелено-стальные волны бьют по каменным клыкам в узких проливах-шхерах с самого сотворения тверди. Ведь море было раньше земли, да-да, каждый знает.

Серое, тянущееся вдоль Оловянных островов и Западного ноемеда империи Безант. Стальное, зеркалом блестящее бликами низкого северного солнца, омывающее Норгейр, Нордиге, магистратуры и вольные города Стреендам с Бурке. Снежное, усыпанное ледяной накипью-шугой и белоснежно-алмазными плавающими горами, где хозяев два – Доккенгарм и Абисса.. Три северных моря суровы и не прощают ошибок. Холодная вода хлещет черные камни фьордов и шхер, выбрасывает измочаленную древесину. И твердые замерзшие останки моряков. А дальше... А дальше они плотно упираются во Льды и суровое Темное.

...Волынка тоскливо и гордо выводила песню. Волынщик, рыжий как пламя, старый Хо-Бард, старался. Сидя на своей высокой тачке, безногий и одноглазый, как всегда в клетке килта и пледа, выводил свои странные мелодии. Он уважал того, кого ему выпало провожать в последний путь, да и ноги с глазом потерял на его корабле. Там Хо-Бард тоже играл, еще совсем молодой, двадцать лет назад. И его кожаный мешок с трубками, снятая козья шкура и обточенные дудки из рыбьей кости, сейчас пел над зелено-серыми волнами, провожая в последний путь старого друга.

Звук резал слух непривыкших женщин, привезших с юга, в деревянном ящике, деда. Хайни Хорне знал стоимость красных досок, покрытых темными выющимися полосами, крепких как железо и легких как пух. Мальчишка плевать хотел на мысли странных теток в бело-черных хламидах, изумленно смотрящих на него. На внука, переложившего высохшее тело деда на златотканное покрывало, бывшее в дедовских вещах и тут же сгрузившего гроб в тачку. Мертвым не все равно, да, Хайни знал это. Вот только у него никого не осталось. И почти ничего.

Сестры ордена святой Виргинии привезли в Стреендам не кости, утонувшие в коже и сукне старой одежды шкипера, нет. Они привезли с собой мертвое будущее Хайни.

Гробину худой носатый подросток с бешеными серыми глазами загнал столяру. Но не просто столяру, а басу Хервину, мастеру с золотыми руками и такими же заказчиками. Загнал не продешевив, торговался как проклятый, выручив десяток полновесных серебряных "кораблей". Хватило на провода с пивом и мясом, осталось на волынщика с Норгейра, так уважаемого дедом. Калека не должен играть бесплатно, как бы того ему не хотелось. Ведь он проводил не просто моряка.

Старый хрыч, Хоссте Хорне Кишки-Вон, наконец упокоился на дне родного Стального моря. Лег в воду, жадно лизнувшую полотно паруса, обшитого дратвой. Да-а-а, тетки в черно-белом смотрели на внука, не уважавшего деда, как на сумасшедшего.

Но Хайни дураком себя не считал и златотканное покрывало загнал за пяток "кораблей" старьевщице с Крысиного переулка. Старый парус нашелся в сарае, карбас у семьи Хорне еще водился, за весла сели старики и калеки дедовской команды. Вот только его внуку надо что-то есть, а хлеб и репа сами по себе не заведутся в рундуке на камбузе. Хайни знал, что дед, смотря как зашивают его бранные останки в парусину, лишь крепче затянется трубкой и захохочет... мол, смотрите, какого смекалистого чертенка вырастил, а?!

А Хайни смог даже прикупить пойла этим строгим теткам, проделавшим длинный путь и привезшим домой его деда. И немножко осталось, совсем чуть-чуть.

Женщины-плакальщицы из обители святой Виргинии сидели в дальнем закутке зала дома Хорне, отдыхали от пол-тыщи лиг, проделанных пешком, морем и на повозках. Хайни отыскал им дорожущее вино, а они старались не притрагиваться лишний раз. Лишь изредка отпивали, опасливо косясь на подошедшего и ревущего над ними человека. Лишь когда кто-то

из краснороже-обветренных мареманнов, морских людей, одноногих или безухих, ходивших со стариной Хорне в схватки и на абордаж, оказывался рядом. Поднимал полную кружку, рог или чашу, обливая себя и их пивом, ревел, плюясь щербатым ртом... лишь тогда они пили красное сладкое пойло.

– За Хорне, соленого пса, грабившего острова и города! Ху!

Хайни чуть вздрагивал, зло косясь на крикунов и сестер Вирго, косился и молчал. Даже когда:

– Ху!!! Ху-у-у!!! Хорне! Хорне!

Он даже понимал сестер в бело-черном. Ведь чаще кричали другое.

– Кишки-Вон! Ху!!

Вот теперь Хайни полностью остался один. И из всей семьи с ним лишь дедов тесак, тяжелый, как дедов характер, черный, как его душа и кривой, как выпавшая морская дорога.

Ху, соленый пёс, ху, Кишки-Вон, ху, дед...

Хайни знатно набрался вечером, травил несколько раз, выходя и почти падая за порог. Последний, вроде бы, случился прямо в зале. Под скамью. И запомнилось только черно-белое, окружившее со всех сторон и громко прогонявшее совсем хмельных бандитов-калек.

Вспоминать это спросонья оказалось тяжелее чего-либо прочего. Неужели не почудились мягкие руки, укладывающие спать, до этого умывшие, стащившие испачканную одежду? Ох...

– Эй, малыш, ты проснулся?

Неужели сестры Вирго все здесь? Да ну...

Ого...

– Какой прыткий щеночек... Какой наглый кобелек, а? Еле-еле в себя пришел после вечера, где накидался как паршивый забулдыга, а все туда же... Взрослым теткам пялиться в вырез сорочки. Нахал, что и говорить...

Подросток Хайни подумал-подумал и спрятался внутрь. Выпустил наружу кого сейчас надо, чертова, мать его морскую цыганку, Хайнриха Хорне Кишки-Вон. Пусть и последнего, да еще и совсем зеленого. Наплевать!

– Я тебя приглашал?!

Улыбка заставила покраснеть. Такая улыбка на таких красных губах, полных и манящих, может обещать многое. Ему же она просто сказала: наглец ты и есть наглец. И никто больше. Пока.

– Нет. Но у меня есть две вещи, нужные тебе... шкипер Хорне.

– Я пока еще не шкипер.

– Пока. Так и будешь сидеть в кровати, кутаясь в одеялко? Замерз, бежняжка? Ты же мареманн, как твои предки.

Мар-хунд тебя задери, женщина!

Хайни сел. Босые ноги обжег ледяной камень. Бр-р-р, ладно... И встал, как был, в одном нательном белье ниже пояса. Развязавшемся белье.

– Мм-м, – проворковала краснотубая, – а щеночку есть чем похвастаться, как посмотрю. Оденься, юный прелестник, а то похоть начинает одолевать. А нельзя, сам понимаешь.

– Поч-ч-чему-у? – поинтересовался разом продрогший Хайни.

– Мой горячий язычник, на дворе осень, неделя Страдания. Верующим стоит проводить время в мыслях о спасении от мук преисподних. А не в глупых греховных фата-морганах. Тем более ты чересчур юн. Я бы сказала, даже зелен. Хотя...

Хайни завязал тесемки брюк. Натянул теплые чулки, заботливо лежавшие у платья на колченогом табурете. Накинул тюленью безрукавку мехом внутрь. И повернулся к ней.

Вырез? Вырез, да. Но и кроме него... очень красиво.

Закинув на стол длинные, стройные ноги в высоких, сшитых явно на заказ сапожках для верховой езды, в большом отцовском кресле сидела темноволосая и высокая молодая женщина.

Девушка, лет на шесть старше Хайни, обозванного юным и зеленым.

Темно-красный и расшитый золотом кафтанчик, расстегнутый на все пуговицы, кипельно белую сорочку в кружевах, туго натянутую на груди. Большие, ярко-синие глаза внимательно разглядывали Хайни. Улыбка на пухлых и ярко красных от помады губах. Еще бы... Хайни выругался про себя. Нечего пялиться, точно.

Она вздохнула. Медленно и чуть подавшись вперед. Вырезом... мар-хунд ей в... Вырезом в проклятуших белых воздушных кружевах. Прямо в декольте, где, в такт дыханию, мерно поднимались две великолепных смуглых выпуклости с тонкой, на вид прямо бархатной, кожей. Левая украшена кокетливой мушкой в виде кораблика. – Меня зовут Флоренс, шкипер.

– Угу...

Строгий Хайнрих Хорне неожиданно испарился. Остался Хайни. Что-то вдруг растерявшийся. Динь-динь-динь... Снова дождь барабанит по водосточной трубе. Старый Хорне всю жизнь хотел жить как в столицах Номедов. Черепица, канализация, даже отдельная терма... Чего не решился просто уехать? Хех, он же был Хорне Кишки-Вон, переедешь тут. Раз, и болтаешься в петле.

– Что ты хотела... – он поклат на языке странно звучащее имя. – Флоренс?

– Правильный вопрос, малыш. Но, для начала, следовало предложить гостю хотя бы вина. И не беспокойся, дурочки в балахонах с радостью поделились со мной вином. Ну или похожей по цвету и запаху дрянью. Ты же не против?

Хайни сел на стул. Тррр... сказал тот, треснув еще больше, пришлось встать и убрать его подальше. А красивая незванная Флоренс спокойно наливала дорогущее красное в серебряную, с цветной эмалью, кружку с крышечкой. Да, посуды в доме еще хватало. Надолго ли?

– Хм... на вкус даже ничего. Бери лиможанское молодое в следующий раз.

– Спасибо. Мар-хунд тебя задери, что тебе надо?

– Золото за работу и все остальное как приз, все, что найдешь.

– Не понял.

– Золото для тебя, дурачок. Пятьсот доккенгармских львов тебе и по пятьдесят остальным в команде. А взамен ты просто возьмешь торгоша, через неделю отходящего с севера. Заберешь груз, чтобы передать мне и все, что останется целым. Может, сможешь увести судно. Только продавать его стоит в Норгейр, не иначе.

– Почему я?

Красивая Флоренс красиво улыбнулась. И потянулась, не менее красиво.

– Кто станет грабить купца возле самого дома? Только тот, кому нужны деньги. Как тебе, малыш Хорне. Или ты решил разводить овец? Бе-е-е, такие мягонькие милые бяшки, ни риска, ни чего другого.

Хайни прикусил губу. Ведьма права. Дает деньги и просит отработать.

– Где?

– Золотые мели.

Два дня на всех парусах оставшегося судна, "Дикого Кота". Хм...

– Почему купец пойдет там?

– Ну-у-у, малыш, подумай. Ты же не просто ешь в свою милую головку, ты же ей еще думаешь. Дед или отец точно сообразили бы быстрее...

Купец боится. Значит, шкипер неопытный и хозяин тоже. Опасаются норгов с их вытянутыми весельными "змеями" и опасаются лихих ребят Стреендама. Не понимают, что лучше было бы прийти сюда и нанять легкую флекку в попутчики. Им же хуже.

– А...

В дверь забарабанили. По-хозяйски, громко и не стеснясь. Так стучать может только...

– Откроешь? – Флоренс вопросительно изогнула смоляную бровь.
Хайни открыл, внутренне готовясь к неприятностям. Так и вышло.

Ньют зашла решительно и с вызовом. Втянула носом воздух, показушно морщась. Да, гостья пахла смородиной и чем-то незнакомым, сейчас мешавшимся с духовитым виноградным вином. В Стреендаме предпочитали пиво, эль и бренди. Хотя Ньют ничего такого не предпочитала совсем, и потому пахла только собой и утренней жидкой кашей с маслом.

Карие глаза Флоренс встретились с совершенно холодными серыми льдышками Ньют. Лучший друг и самая красивая, тут без вариантов, девчонка Стреендама лихо сдунула золотую прядь, упавшую на лицо. Поправила пояс с матросским ножом, заложила за него большие пальцы и, покачиваясь на стоптанных каблуках, зыркнула на Хайни. И, тут же, вернувшись к Флоренс и самым противным из своих голосов, заявила:

– Эт кто и чё она тут делает?!

Ох, Ньют, Ньют, как же тебе теперь все объяснить? Женщина, сколько б ей не стукнуло, хоть пятнадцать, хоть двадцать, хоть бабушкин срок, женщиной остается всегда.

Хайни вздохнул, косясь на свою лучшую подругу и на нанимательницу. И, устав быть просто Хайни, выпустил последнего Хорне Кишки-Вон:

– Чё она тут делает – расскажу. Спустись, пожалуйста, вниз, посмотри – не осталось ли чего поесть. Я сейчас, провожу нашу гостью и сразу к тебе.

Флоренс одобрительно улыбнулась.

– У меня сестренка есть, ей годиков пять ли, шесть... говорят, похожа на меня как две капли воды. Гедвигой назвали.

– И чё? – Поинтересовалась Ньют, лихо сплюнув через зубы и тут же растерев подошвой.

– Она также себя ведет, дорогуша, когда видит красного петушка на палочке, если с родителями забредает на ярмарку.

Ньют опасно прищурилась и вроде бы двинулась к двери. Охо-хох... Хорне успел. Успел оказаться рядом раньше, чем нож, изъеденный временем, но острый, хоть брейся, оказался на свободе.

– Я тебе, сучка, сейчас улыбку поперек рожи-то нарисую! – пыхтела Ньют, зажатая Хайни. – А, ну! Пусти, я сказала!

– Да отпусти ты ее, – Флоренс, судя по звуку, мягко и влажно улыбнулась, потягиваясь, – иногда котяткам нужно нащелкать по носику.

– Чё ты сказала?!

Хайни вытолкал ее в коридор, не смотря в бешеные глазища. Ньют он любил и считал самой лучшей, давно зная, что женится именно на ней, когда станет настоящим капером. И характер, обжигающе-взрывной, как ханьский огонь, ценил. Особенно, когда в подворотнях города им приходилось сшибаться с Оле из Лукового переулка или с семьей Гафф из доков. Там-то бурлящая внутри Ньют ярость, отцовский старый нож и переданное перед смертью умение им орудовать, были к месту.

Но не сейчас и не здесь.

– Ньют... Ньют! – зашипел Хорне прямо в ее ухо, красное, как и она сама. – Пожалуйста! Дело, Ньют, наше первое дело!

Серые льдинки уставились в его глаза. Моргнули, разгоняя бешенство, кипящее в них, обычно таких спокойных. Ньют выдохнула, моргнула еще раз, вдруг став напакостившим ребенком. Фу-у-у, все, закончилось. Только бы извиняться не начала...

– Я поняла, Хайни, – шепнула Ньют, – все сделаю. Договаривайся.

И пошла вниз, на кухню.

Флоренс, попивая свое красное, ждала его.

– Успокоил свою фурию?

Хорне не ответил. Сел напротив, подтянув колченогий табурет, куда обычно складывал платье. Уставился в глаза, жестко и зло, не обращая внимания на все ее едва уловимые вздымания в вырезе.

– Еще раз, с самого начала. Через неделю на Золотых мелях, доккенгармский купец, пятьсот мне и по пятьдесят команде. Товар – тебе, корабль мне. Верно?

– Все так, шкипер. – Флоренс, явно уловив новые правила, кивнула без насмешки. – Команда не больше десяти человек, должны справиться. На купце будет чуть больше матросов, с самим купцом пара приказчиков и пара своих людишек, смотреть и таскать груз. А на твоём «Коте» еще остались орудия?

Хорне кивнул. Да, орудия остались, это точно...

– Что за товар?

Флоренс чуть помедлила.

– Почти ничего необычного, сам увидишь. Трюм набит плотно, а хозяин жаловаться не побежит.

Хорне не удивился. Ясный взгляд и чистое лицо красотки скрывали за собой темные мысли и грязные дела, в таких жаловаться не принято. Флоренс птица высокого полета, только полет ее, чаще всего, ночной, чтобы никто не увидел. Она не из Стреендама, Хорне бы ее знал и помнил. А уж разбираться в хитросплетениях дел, творящихся у «ночных господ» с материка, воров, убийц, контрабандистов и прочей братии, у него пока не выходило. Годами и опытом не вышел.

А раз эта опасная вертихвостка в курсе нечистоплотности купца, значит, впрямь, никто не обратится ни к мар-ярлу, ни в Морскую палату, ни в совет капитанов. Риск – дело благородное, но и опасное.

– Какой корабль у купца?

– Малый когт, на носу – девка с сиськами. «Синяя русалка», не пропустишь.

Хорне кивнул, соглашаясь. Прикинул, что к чему, и, не дав ей уйти, сказал прямо:

– Задаток – двести кругляшей, невозвратно. Где встречаемся?

Спорить Флоренс не стала. Кинула на стол два тяжелых кисета, до поры-до времени прячущихся в кафтанчике. Стрельнула глазами, как спрашивая – будет ли пересчитывать? Хорне не отказался, на слово ей верить было не с чего и пересчитал. Все двести тонких, но полноценных «львов» оказались на месте, блестя выпуклой чеканкой и грея душу.

– Зеленая бухта, через девять дней, к полночи.

Зеленая бухта? Хорошо. В сказки о маргейстах, живых утопленниках, обитавших в ней, Хорне не верил.

– Не подведи меня, шкипер. – Улыбнулась Флоренс. – И не таскай с собой свою подружку.

– Ньют сама выбирает, куда ей идти и с кем.

– Она-то пусть выбирает, дорогой. – Флоренс встала, оказавшись на своих каблуках даже чуть выше самого Хайни. – Ее место на берегу, в хорошеньком беленом домике, где гуси пасутся на зеленой травке, две коровы дают молока на масло со сметаной, качать зыбку и гулить розовому пузанчику в ней. И ждать тебя, посматривая за вышитые занавески. Точно тебе говорю, шкипер. Не пускай, хотя это твое дело.

Уже уходя она обернулась:

– Винцо паршивое. Найди кого-то, кто поможет тебе в нем разобраться и запомни про молодое лиможанское. Это порой полезно.

Ньют нажарила салаки, откуда-то притащила плоску со сметаной. Сестер Вирго она проводила ровно, как Хорне спустился вниз. Сел за стол, отщипнув корку вчерашнего хлеба, подвинул кувшин с пивом. То за ночь, вне бочонка, выдохлось полностью, горечью перекачаты-

валось на языке. Хорне макал салаку в остатки оливкового масла с мелко рубленным чесноком и жевал, глядя перед собой.

Ньют, пальцем поддевая сметану, мешала в ней ягоды. Она вообще любила сладкое и торговцы медом ее обожали. А как еще, если хранишь дома не только мед, но еще воск, соты, что-то там остальное, выходившее от пчел? Город – это город, и в нем всегда есть грызуны, а тех хлебом не корми, дай добраться до жратвы. А Ньют...

У себя, в десяти домах между Луковым и Жестяным переулками, Ньют лучше всех устраивала крысиные ловушки и мышеловки. Потому многие торговцы с Нижнего рынка ее привлекали и порой вкуснятина доставалась бесплатно.

– Что за дело, Хайни? – наконец не выдержала подруга.

– Настоящее, с призовым кораблем и оплатой. – Хорне положил на стол три кругляша. – Возьми, сейчас пойдем к кораблям, купишь по дороге новую куртку. Пойдешь домой – купи братишкам чего-нибудь.

Отец Ньют остался калекой, без одной ноги и глаза. Его взяли в рыбацью артель и он вместе с ней, остался на Зеенсмарке, утопленный молодыми серпентами. Мать Ньют умерла, разрешаясь самым младшим из ее братишек. Всего у Ньют их было трое, близняшки и мелкий, а следила за ними отцовская старшая и бездетная сестра-приживалка. Ньют с братьями ее любили и звали бабушкой Улле.

Хорне, пока семья была почти полной и сильной, помогал им как мог. Дружбу с ней, сероглазой и златовласой, ехидной и доброй, вздорной и мудрой, Хорне ценил высоко. Когда он остался полностью один, кроме нее никого и не было рядом. Ну, может Молдо, что сейчас стоило найти. Был еще Блэкбард, но его Хорне опасался. Оба ветерана моря, ходившие с дедом и отцом, хотя бы появлялись просто так, узнать – как там оставшийся Кишки-Вон, пока старого хрыча Хоссте нелегкая таскала по воде в последнем походе.

– Много? – спросила Ньют, кивнув на золото.

– Пятсот мне. Матросам по пятьдесят.

– Я пойду без денег, просто с тобой. Возьму половину положенного с призовых, Хайни...

«Ее место на берегу, в хорошеньком беленом домике...»

Угу, хорошо ей так думать и говорить. Поди не дай Ньют отправиться туда, где ей хочется быть? Она уже три года росла сама, сама кормила братьев, сама делала все для своих. Хорне иногда даже пугался, считая, что рядом с ней просто мальчишка-несмышлениш. Ньют, умница и добрячка, легко угадывала такие моменты и, как специально, начинала расспрашивать о лочиях, такелаже, кораблях, астрономии и остальном, вбиваемом в упорную голову Хайни уже умершими старшими.

– Я подумаю, – проворчал он, глядя перед собой и набив рот.

Ньют не спорила, придвинулась ближе и уставилась, подперев щеку рукой.

– Чего? – испугался Хорне.

– Ничего.

Он съел еще одну рыбку, покосился на нее:

– Ну, чего?

– Кот там как?

Хорне отхлебнул пива, поморщился и цапанул остатки вина. Попробовал...

– Кислятина, не вино. Ты попробуй!

– Я такого не говорила, это та твоя пава такое ляпнула! – неожиданно взбурлила Ньют.

– Ай, Ньют, брось! Флоренс платит и...

– Ой, а она теперь уже Флоренс, да?!

Хорне уставился в стол, липкий и весь в разводах. Стол отец приволок откуда-то с востока, из Драгоша. Весь покрытый разноцветными, белыми, серыми, желтыми и светло-

рыжими треугольничками наборного дерева, он всегда нравился Хорне. И сейчас ему даже стало стыдно за грязь на нем.

Но не так, как почему-то краснелось от слов Ньют. Да что ж такое, а?!

– Ньют!

– Чё сразу Ньют?! Она тебе все зенки своими сиськами закрутила, то так сядет, то эдак выпятит, сучка крашенная!

– Почему крашенная? – оторопел Хорне.

– Потому! – рявкнула Ньют. – Ты ее ресницы видел? Они у нее сивые, как у свиньи! Красится, чтобы не узнали! И чтобы таких как ты, идиотов, за нос водить... сиськами, задницей и всем остальным! Наняла она его на дело, ишь, обезьяна лысая! Да ваще – может у нее это парик! Такие даже у нас уже появились!

Хорне начал злиться. Вот чего она прицепилась, как морской ерш, не отдерешь?!

– Извини, – буркнула Ньют, – не выпалась, наверное. Мелкий там сопливит и кашляет. Так что с Котом?

А с Котом, что «Дикий Кот», двухмачтовый сторожевик, выкупленный дедом у города много лет назад, все хорошо. Вернее, правильно было бы сказать – полуторамачтовый, ведь грот ставили только в самом крайнем случае, поднимая в наклон к носу, но двухмачтовый звучало солиднее. И с кораблем все вполне хорошо, о чем, о чем, а о нем Хорне не забывал.

«Кот» ждал своего часа в гавани, заведенный к пирсу. Недавно его даже доковали, чистили киль, оббивали медью по ватерлинии, смолили и меняли топенант с тросами. Бухты пеньки, скрученной в разномастные канаты, обошлись Хорне в последний из кошелей, оставленных дедом, так, да. Но Хайнрих Хорне Кишки-Вон, оставшись последним из Кишки-Вон, помнил дедову науку.

А его наука была простой: сам жри, что хошь, главно не помри с голодухи, пропей куртку, шляпу-зюйдвестку, шитый камзол с перевязью, браслеты с перстнями, даже новомодные пистолы, если имеешь такие, но никогда не пропивай и не теряй нескольких вещей.

Самой головы, хотя бы половины зубов, боевого пояса с тесаком, штормовых сапог и корабля. И корабль, вообще-то, у Хоссте Хорне стоял на первом месте, затем следовала голова и остальное. Вот такие вот дела.

– Команду набрать надо и за аренду в гавани расплатиться. А свой док я выкуплю назад... когда все сделаем.

– Хорошо, – согласилась Ньют, – очень странно, Хайни, но нам с тобой нужно идти набирать команду. Даже смешно... помнишь, как играли в «абордаж» с парнями, пока Оле не стал полным говнюком?

Хорне помнил и даже улыбнулся. Невесело, но все же. Верно, им сейчас идти набирать настоящую команду на настоящее дело.

– Надень отцовский пояс с перевязью, – посоветовала Ньют и... передумала. – Нет, не надо. Пошли, как обычно ходишь. А то посмеются еще, а зачем оно нам с тобой нужно, правильно?

Вот всегда с ней так, всегда права, когда подумает...

– Блэкбард всегда сидит в «Слоне», – подсказал Ньют, – всегда-всегда, Хайни.

Блэкбард, Блэкбард...

Невысокий и почти такой же в ширину, совсем белый от седины, с бородкой, от виска до виска и без усов, в кожаном колпаке, когда-то купленном на Юге, почти у самых первых пляжей Черного берега, там, где лежали жаркие и злые земли Халифата. Всегда в чистом синем камзоле, синей рубахе и синих бриджах, заправленных в чулки. Блэкбард носил башмаки на толстой нескользящей подошве. Как и все редкие канониры, жившие на берегу.

Церковь Мученика билась с пушками уже пару десятков лет, и всю эту пару десятков лет их, канониров, особенно пиратских, вешали сразу. А порой, бывало и такое, привязывали к

стволам орудий и выстреливали порохом, прожигая дырищу в человеке. Канониров боялись, не любили, но ценили. А редкие выжившие, приходившие домой окончательно, обратно в море не выходили. Им платили так, что хватало даже внукам, если такие появлялись.

Блэкбарда Хайни, стыдно признаться, побаивался. Старик, суровый как дед, смотрел на него как на гуано и только поплевывал, если младший Хорне пытался к нему обращаться.

– Это он собрал всех проводить твоего деда. – Ньют улыбнулась, как-то робко. – Не Молдо.

А вот Молдо не любила она. Не любила сильно и не объясняла – почему?

Хорне запер дом, дал отставному солдату, снимавшему комнату в таверне напротив, серебранку, чтобы присмотрел. И они отправились в порт.

Мачты торчали вверх, лениво покачиваясь. Порт Стреендама – большая бухта, куда не заходят шторма. Первые, строящие город, оценили ее, закрытую двумя каменными мысами, высоко. И не прогадали, со временем подняв стены и добившись вольностей, сделав Стреендам Вольным городом, одним из двух на всем западном побережье.

Гости шли сюда со всех концов, наполняя Стреендам товарами, звонко звенящими пошлинами, привозными деликатесами и редкостями. Соседи из магистратур, Шварценхаффен и Тотемонд, лишь скрипели зубами от зависти и, порой, пытались лезть и захватить гордых моряков. Но им не обламывалось, воевать за свои свободы стреендамцы умели, упираясь и сражаясь до последнего. Если на подмогу приходили легионеры Западного номеда империи Безант, враги откатывались разбитыми в пух и прах.

Мачты качались впереди, знакомые и ни разу не виданные Хорне и Ньют. Хорошо жить у моря, дышать волей и солью, видеть самых удивительных людей со всего мира. Даже отсюда, с узости Сельдяной улицы, убежавшей в порт и закрывавшей порт ломами, виднелись самые разные флаги с вымпелами. И хвосты племенных кобылиц, отрастающие до шести-восьми футов, выкрашенные красным и золотым. Это зашли ночью с моря бродяги-торговцы из Халифата. Салем-бей, хозяин трех длинных коракков, ходивших под парусами и на веслах, в Стреендаме был почетным гостем.

Мачты качались, опутанные паутинами снастей, с подвязанными парусами. Порт давно проснулся, но здесь моряков не донимали ежечасной работой кроме необходимой. На вантах с реями почти не виднелось черных точек вахты, занимавшейся такелажем. Ни к чему. Порт жил своей спокойной обыденностью, уже долетавшей с ветром.

Сельдяной рынок, последний на этом спуске к бухте, перебил портовые ароматы, но ненадолго. Хотя и несло с него, привычно и даже как-то по родному, сильно. Ньют и Хорне родились здесь. Их жизнь пахла так, как вонял сам рынок, все его несколько рядов крытых лавок: чешуей, рыбьей кожей, кишками, кровью, солью и дегтем со смолой. Смола с дегтем въедались в рыбаков накрепко, не выведешь пока живой и таскаешь улов из моря-кормильца.

– Тетка Илли, можно яблок? – Ньют остановилась у трех торговых не рыбой.

Полная и улыбающаяся, сама как печеное яблоко, Илли отсыпала им шесть штук. Ньют поделила поровну: Хорне с червяками, себе целые, с налитыми нетронутыми боками. Хайни не спорил, Ньют от одного вида червей могла начать злиться. Давно, в тяжелый голодный год, её семье пришлось несколько месяцев кормиться старыми сухарями, опуская те в кипяток, выгоняя мелких красных червячков.

Мачты качались, становясь все ближе. Пара поворотов и они оказались на месте, выйдя из тесной кишки Сельдяной, с ее узкими высокими домами, сжимавшимися над головой, столбами, еще не чищенными и совсем задушившими морской воздух. Смыть требуху и нечистоты станут после рыночного дня, когда никто не выплеснет рыбьих кишок, смешав их с хвостами да головами, оставшимися от господской дорогой рыбешки, разделяваемой прямо тут.

– Хочу в море. – Хорне встал, рассматривая последний спуск и бухту.

- Там не воняет?! – усмехнулась Ньют.
- Еще как воняет, но там ветер.
- Скоро пойдем, – она сдунула выбившийся локон. – Точно тебе говорю.

Хорне кивнул, двинулся дальше. Ньют пойдет с ним и это плохо. Чем ближе становились таверны с кораблями, тем страшнее становилось Хайни. Настолько, что не понимал – за себя или за нее?

Когда только собираешься сделать что-то серьезное, оно кажется далеким. И вот первый шаг, а с ним и понимание: это не мечты с игрушками. Это самое начало его, Хорне-младшего, собственной водной дороги. И ему совершенно не хотелось начинать ее с плохого. За Ньют Хорне почему-то начал бояться все сильнее.

Море густо солило причал, старые камни, огораживающие людей от воды. Серые валуны поблескивали, принимая шлепки волн, грелись на редком солнце и тут же по ним стекала холодная вода. Внизу, на кромке, мочалило желто-зеленые водоросли, плавник, щепу, мусор с кораблей и чей-то одиноко плавающий башмак.

Хорне втянул в себя соленую резь ветра, бьющего с горловины бухты. Смешал со смолеными боками сотни кораблей, стоящих в гавани, острым перечным запахом пряностей, сгружаемых с южных судов. И понял главное: не бывать ему без моря. Совсем.

- Пошли в «Слона», – тянула за рукав Ньют, дергала и ныла в ухо, – пойдем!

Блэкбард? Хорне как стянуло зубы от холода, до того не хотелось идти к нему. Он повернулся к цепочке широких и невысоких лавок, таверн, Морской конторы, кузниц и канатных мастерских, пакгаузов-складов и видневшихся дальше доков. И улыбнулся.

Молдо, в своем красном колпаке, смолил трубочку у «Соленого Зайца», гостиницы и забегаловки, где любили собираться пройдохи, шпана и все веселое отребье порта. Молдо, ходивший на квартердеке у деда, был там своим в доску. А если кто сомневался, так широкий норгский нож-сакс, висящий на поясе, подсказывал правильную точку зрения. Хоп, чик, концы в воду, Молдо со спорщиками не мялся. Колкими обидными словами доводил до выхваченной стали, неуловимо цапал роговую рукоятки ножа и все, Морской король принял нового поданного, с разваленным горлом и без воды в легких. От Молдо недорезанные под пирс не уходили, живодером тот никогда не был.

Улыбчивый и обманчиво добро-пузатый здоровяк с остатками седой пакли вкруг лысины, спрятанной под колпаком, махнул Хорне, подзывая к себе. Ньют, отвернувшись, нахмурилась, прижала старый сапог Хорне ногой:

- Не болтай о деньгах, Хайни, говори о призе с груза. Я за Блэкбардом!
- Зачем? – Хорне, тяжело закипая, начал злиться.
- Блэкбард не обещает, чего не может, а твой Молдо мед в уши льет!
- Молдо дед верил.

Ньют тихонько вздохнула:

- Но ты не дед, Хайни. Пока еще не дед.
- Ньют была права. Как и частенько, в любых вопросах.
- Хорошо. Я тебя жду.

Молдо улыбался, темнея дырками с правой стороны, под шрамом, змеившимся от глаза и до подбородка, кувалдой торчавшего из бакенбард. Почесал седую шерсть, буйно лезущую через зеленую ткань рубахи, поправил теплый живот на пуху. Кивнул вслед устрекотавшей Ньют:

- Куда твоя малахольная дернула, младшой?

Хорне не любил, когда младшим называл кто-то, кроме отца с дедом. Но куда тут денешься, верно?

- Знакомых хочет поискать.

– Голова не трещит? – вчера Молдо не пил, ушел сразу, как деда спустили с баркаса к Морскому королю.

– Нет, все хорошо. Дело есть, Молдо.

Молдо приподнял густую, козырьком нависающую, бровь. Сплюнул, затер:

– Прямо-таки дело? А я младшой, уж хотел к тебе, «Котом» попытать, не собираешься ль по дешевке скинуть посудинку... А ты, эвон как, дело!

– Там есть где присесть, без лишних ушей? – Хорне кивнул на «Соленого Зайца».

Молдо пожал плечами, опять усмехнулся:

– Ради такого – отыщется, младшой, блоддеров хвост.

Молдо вроде бы не насмехался, но что-то тонко дергало изнутри. Хорне вида не показывал, шел за ним, понимая – либо подозрительный из-за Ньют и ее подозрительности, либо ему самому не нравится все эти «младшой» и скинуть посудину». Продавать «Кота»? Ему? Ну-ну...

Народа к обеду в порту – не протолкнуться. Кого только нет, почти всех цветов кожи, разодетые в шелка с бархатом, в отрепье и рыбью кожу, в перьях с костями, даже иногда попадались дикари с далеких западных островов, носящие деревянные крашенные маски на лицах. Стреендам бурлил жизнью, слонявшейся вдоль пирса туда и сюда, обратно и снова, попивая эль, пиво, вино, бренди и сидр, щелкая орехи, грызя засахаренные фрукты и чавкая свежей жареной корюшкой.

Черные лоснящиеся матросы с каравана, идущего от Черного берега единым строем и рассыпающийся судами-бусинами, как только справа показывался пролив, ведущий в Длинное море. В Стреендаме этим, ночью не разглядишь, зато зубы как алебастр, никто и не дивился. Чего у них не видели-то, особенно портовые девки? Черныши, пристав к пирсу иногда бежали в бордели даже раньше полной выгрузки. Особенно тянули их рыжие, с конопушками на сметанно-белой коже, полногрудые милашки с Оловянных островов.

Строгие, светлые и ржаво-желтые почти соседи из Доккенгарма, скупно перекаत्याющие слова на своем гавкающем языке, ходили всегда по трое. В синих камзолах с желтым кантом, серых полотняных рубахах со штанами, заправленными в сапоги, в шапочках пирожком. Пироги-то доккенгармцы ценили сильнее прочего. Хлеба на их скалистых берегах росло мало, а Стреендам, перевалочный порт, принимавший и отгружавший зерно, славился пирогами, пышками и всяким разным печением.

Совсем ближние гости, из магистратур, все как один, вне возраста, тощие. Совсем как сам Хорне, все тянувшийся в дедовские шесть футов и худой, как угорь. Серое и черное, строгое, без украшений, стрижены под горшок, похожи ровно горошины с одного стручка. Эти, знай себе, хлестали в порту пиво, наливаясь из жестяных кружек до полного одурения и драк с портовыми матросами да рыбаками.

Ну и всех остальных до кучи, от постоянно обретающейся в Стреендаме целой улицы варваров с Нордиге, черноволосых, смуглых, вечно ждущих – где бы размять тяжеленные кулаки и литые мышцы до совсем уж редких низкорослых дварагов, старых Иных, отправляющихся с материка на Оловянные острова, где, говорили, под присмотром имперского архонта восстанавливалась их старая родина.

И, конечно, крутились вокруг всей этой публики те, кому честная жизнь не мила. Ворье, шулеры, фигляры с труверами, фокусники и мошенники, врачи-зубодеры и врачи, пользующие страждущих от дурных болезней. Известно же: где матросня, там и шлюхи, а где последние, там жди триппера.

Молдо, рассекающий снующую толпу как айсберг воду, шел себе и поплевывал. Ему-то никто не попробует дорогу перейти, надуть или кошель вытащить. Хорне шел в кильватере, пристроившись за широкой спиной и разглядывая над его плечом стену «Соленого Зайца».

В рост Хайни пошел хорошо, а все чувствовал себя мальчишкой рядом со старым дедовским абордажником.

Соленым Заяц стал не просто так. В осаду Абиссой, лет так десяток назад, местный трактирщик продавал соль втридорога, если не дороже. Когда выяснилось, после пришедших на выручку варваров и легионеров, что Заяц еще торговал и секретами, отправляя к «черным» собственных сыновей темными ночами... все ему и припомнили. И сварили в соляном растворе.

– Что за щенок? – поинтересовался у Молдо хмурый невысокий тип, подпиравший косяк на входе таверны. – Сейчас лишних нет.

– Со мной.

– Ньют придет, – сказал Хорне, – искать меня станет.

– Обождет, – отрезал Молдо, сплюнув и затерев, – невелика птица, погрееется на солнышке, блоддеров хвост.

Спорить Хорне не стал, видя, как ожидает его слов хмуро-невысокий. Что-то внутри, то ли какое предчувствие, то ли дедова наука, подсказывало – не сцепляйся, пока не по зубам он тебе... щенок.

Оружие на типе висело, но немного, в порту особо не разгуляешься с абордажками или топориком. Нож на поясе, цепная дубинка с деревянным шаром через плечо, засапожник из-за голенища. Только дед всегда учил смотреть внимательнее и видеть спрятанное. Вот прямо как сейчас, когда складка на боку камзола так и кричала о потайном кармане, баюкающем литой кастет. А чуть приподнявшаяся сзади ткань торчала не просто так, пряча за собой, скорее всего, что-то серьезнее обычного матросского ножа.

Да и руки у хмурого оказались серьезными. Жесткие, сухие, с темными костяшками, с застарелыми шрамами на них же. Этот умел бить чем угодно, хоть сталью, хоть руками-ногами. Целый нос, ни разу не свернутый, говорил о мастерстве. Хмурый не молод, лет тридцати, раз никто не свернул горбатый клюв набок, значит, дрался как проклятый.

– Эй, младшой, не теряй ход! – Молдо обернулся, уже стоя внутри. – Ты чего там якорь бросил?

Хорне боком прошел мимо хмурого, явно ждущего хотя бы какой-то причины, постарался не сильно задеть курткой за косяк. Тот недавно поставили новый, обстругав тят-ляп, а куртка у него была одна. Своя, вернее, ведь платья в большом сундуке хватало, но пока не на него. «Соленый Заяц» держала не морская семья, это Хорне понял сразу, хотя ни разу здесь не был. В тавернах, где хозяйничали бывшие мареманны, люди моря, светили фонари. Кованые, с стеклами, чтобы ветром не задувало, въевшиеся в жизнь моряка как винная порция перед обедом. Даже под потолок, чтобы светить ярче, заказывали на Жестяной огромные копии кормовых, крепили на цепях, заливали масло.

Здесь, под черными балками, низко давящими на сидящих, висели тележные колеса, заставленные дешевыми сальными свечами. Скисшие огарки капали вниз, мазались под ногами, мешали прогорклую вонь с подгоревшей рыбой из кухни. Именно с кухни, на камбуз открытый очаг и дровяная печь не тянули, порядка не наблюдалось. Да и рыба была самая дешевая, а вместо мяса шкворчали, чернея, куски свиного сала. Дерьмовое место «Соленый Заяц», ровно как его публика. Это Хорне понял сразу, садясь за круглый стол, сбитый из колоды и нечистых досок.

В хорошей морской таверне столы скоблили, не допускали липкой пленки стекавшего месяцами жира, приставших к ним мусора и крошеной недожеванной еды.

Он бы даже ушел, но Молдо уже смотрел пристально, наливая себе сидра из пузатого кувшина, а с ним сидели еще двое из тех, кто пил вчера в его, Хорне, доме. Теперь уже полностью его доме.

– Садись, Хорне! – крикнул Сизый, рыжеватый зубоскал-горлодер, давным-давно родившийся где-то на востоке и прижившийся у моря. – Садись и говори, чего надумал. А то мы, грешным делом, подумали – все, закончились Хорне, как Кишки-Вон проводили. А вот, глядишь-ты, вроде, как и ошибались. Верно, братцы?

Сизый, со своей половиной лица в родимом пятне, густого винного цвета, кривил блестящие губищи в непонятной ухмылке. У Хорне чесались кулаки и злость была готова выкипеть наружу.

«Драться надо спокойно» – проворчал в голове дедовский голос и Хорне просто сел. Не время. Жаль, мечты на самом деле оказываются такой вот грязью. Ловцы удачи, морские псы, соленые волки, да уж... Настоящее отребье, как-то выживающее после ухода от Хорне.

У Сизого на левой руке почти нет пальцев, торчат пеньки после удара доккенгармского топора. У второго, Глифа, нет глаза, нет ушей, говорят, в штанах тоже небольшая нехватка, мол, Глиф очень уж любил три вещи: резать глотки в абордаже, копить золотишко и драть баб без оплаты. Вот вроде с того ему и прилетело как-то ножиком. Кто знает, может и врут, а может, и нет.

Один Молдо в их компании смотрится настоящим мареманном, соленым псом, прячущим клыки и могущим порвать пару-тройку таких юнцов, как младший Хорне. Двоих с ним Хайни, чтоб ему с места не сойти, уделал бы в сечку быстро.

«Драться нужно спокойно... и думать» – недовольно отозвалась память дедовскими словами.

Он сел. Пить и есть ему тут не хотелось, но отказывать Молдо было глупостью. Сейчас он с ними наравне, не до выкаблучивания. Сидр резко сшибал в нос, отдавал на языке яблочной гнилью.

– Трави помалу, младшой. – Молдо оглянулся, кивнул, показывая – никого вокруг неожиданно не оказалось.

– Купец, из Доккенгарма. – Хорне отхлебнул. – Идет с чем-то запрещенным, будет через неделю на Золотых мелях. С ним и с командой – голов пятнадцать. Берем судно, за приз нам заплатят через сутки.

– Ну прямо настоящий шкипер, ишь! – восхитился Сизый. – Прямо, о как, идем и берем?

– Да. – Хорне поставил кружку, но из руки не выпускал, прикинув ее вес и понимая – удобнее будет огреть молчаливого тощего Глифа, прячущего руки под столом.

– Хочешь выкатить «Кота» и позвать нас? – Молдо постучал пальцами по столу. – Дело, дело...

– Дело? – усмехнулся Сизый. – Молдо, зачем нам щенок?

– Я Хорне... – Хайни уставился на него. – А ты Сизый. И не тебе меня щенком называть.

– Почему? – скрипнул Глиф, а Молдо бросил на того осторожный взгляд. – Почему я не могу назвать тебя щенком, младшой? У тебя кораблик? А если ты его нам подаришь?

Хорне сжал кружку. На плечо легла рука. Вернее, что-то, похожее на руку. Он покосился наверх, хотя уже по запаху понял, что сзади Крокодил, еще один бывший абордажник. Высокий, на голову выше самого Хайни, весь когда-то сотканный из мускулов, а сейчас ставший настоящим боровом, кастрированным жирным боровом, все также вонявшим кислым потом и совсем уже сгнившими зубами.

Глиф кивнул, выложил на стол руку, щелкнул ножом-складнем и отодвинулся от Молдо.

– Так лучше, меньше трепыхаться станешь.

– Я корабль не отдам.

– Отдашь, даже если Молдо будет мешать. Только Молдо, пока мы с тобой будем говорить не здесь, постоит в сторонке. – Глиф наклонился вперед, уставился единственным глазом на Хорне. – И там ты не просто отдашь мне корабль, но еще и расскажешь про заказчика и все приметы, в рот тебе вымбовку, купца. И кто же нам с тобой помешает все это сделать, а?

Хорне, напрягшись, вдруг не ощутил веса Крокодила. И только сейчас сообразил – кто-то шел к ним, чьи-то каблуки так стучали по полу. А кто носит башмаки, крепко подбитые гвоздями?

– Убери ковырялку, Глиф. – сухо каркнул Блэкбард и сел. Откуда успел появиться стул – Хорне не заметил. – Убери, не то клешню сломаю.

Глиф фыркнул, но послушался. На плечо Хорне, вместе с ее запахом, легла рука Ньют.

– Молдо, смотрю, у тебя в голове не мозги, а гальюн? – поинтересовался Блэкбард, выпустив дым из кривой и короткой трубки-носогрейки. – Или тебя на суше укачивает сильнее, чем в море, от того в теле потрясение и голова поменялась местами с жопой?

– Не зарывайся, Бард, – Молдо сплюнул и затер, – мы с тобой еще не сходились.

– Правильно, сукин ты кот, – Блэкбард чуть наклонился, выставив вперед черную и жесткую бородку, – иначе у крабов был бы знатный ужин после ночных фонарей. Они, говорят, любят лысых.

Хорне оглянулся, стараясь сделать это незаметно. Блэкбард, старый свихнувшийся дурень, видно пришел с Ньют один. А этих уже четверо, проклятых ублюдков, забывших деда сразу после похорон...

Сизый зло косился на канонира, Молдо зло косился на него же, Глиф единственным глазом буравил всех троих. Куда запропал Крокодил, Хорне не понял, но больше не воняло. Кровь внутри бурлила, поневоле заставляя дрожать пальцы. Да чего врать? Хорне, стараясь держаться, трясся полностью. Было с чего.

Это вам не драка с парнями с Жестяной, пусть там выбивали зубы и ломали кости свинчатками и короткими дубинками. Это, совсем как раздувшийся нарыв, тронь и лопнет, почти схватка насмерть. И с его, Хорне, стороны, он сам, с коротким ножом за голенищем, Ньют, девчонка с отцовским старым клинком и Блэкбард. Трое против четырех головорезов, пусть и таких же старых, как канонир, но умеющих пустить кровь и отправить к рыбам уже лет тридцать-сорок, не меньше. Затрясешься здесь...

Но Блэкбард явно не боялся. Сидел себе, дымил, даже забрал пустую кружку Сизого и налил себе. Выпил, поморщился и сплюнул, не вытирая.

– Глиф, не верти во мне дырку. Я не планширь, она мне ни к чему. Иди-ка лучше отсюда, дружище, и прихвати Сизого. Иначе, чтобы меня мар-хунд схарчил, тебя отсюда вынесут.

Вот так вот, значит... Хорне нащепал медную оковку рукоятки, потянул нож наружу.

Глиф, снова фыркнув, встал и, не дожидаясь Сизого, ушел. Товарищ его задержался, по собачьи преданно и жалко глянул в лицо Блэкбарда:

– Бард, я так-то и не думал...

Не думал он, блондеров хвост! Хорне, сам не заметив, как прицепился чертов блондер Молдо, убрал нож.

– Ты, Сизый, вообще думать не очень обучен. У тебя не голова, а курсовой фонарь, что туда зальют, тем и жарит, хоть маслом, хоть ворвань, хоть топленным салом. Иди, будешь нужен, позову.

Сизый, кивнув, ушел. Хорне подивился покорности старого разбойника. Если бы ему сказали, что у него голова фонарь, куда заливают масло, сало или топленный китовый жир, то...

– Молдо, – Блэкбард вытрусил пепел в кружку и убрал трубку в карман, – кто, кроме Крокодила еще годится?

Толстяк пожал плечищами, чуть не заставив рубашку треснуть:

– Ротгар, Сенти, Михель, может, Хайнц... И еще Роб. Помнишь, из новеньких, Хоссте отправил его на берег, тогда, после...

– Помню. – Блэкбард кивнул. – Он сейчас вон, у двери стоит-сторожит, все также отовсюду сталь с железом. Ты сможешь его держать, чтобы не напортачил?

Напоргачил? Хорне смотрел на канонира, все ждал, когда уже хотя бы кто-то обратит на него внимание. Блэкбард и обратился:

– У парня не голова, а клюз носовой. Ну, в смысле, даже когда якорь поднят, то эта чертова дырка полностью не закрыта. И в нее вода хлещет на хорошей волне. Вот и у него также, если в бой пошел, то ему кровь все мозги заливает, рвется резать да рубить.

– Понятно. – Хорне успокоился, осмотрелся и понял, что Блэкбард пришел не один. Потому и казался непрошибаемым, плевал на Глифа и остальных. Четверо крепких ребят, помоложе стариков лет на десять, не меньше, сидели за двумя разными столами. Двое в компании Крокодила, двое наблюдая за остальным залом, никого не подпуская к их углу.

– Десять, получается?

Блэкбард хмыкнул:

– А паренек не глуп, уже все понял. Да, шкипер, десять. И осталось найти еще двух.

– Зачем? – вступила молчавшая Ньют.

– А тебе не все равно, кроха? – поинтересовался Молдо.

– Не все.

– Нам нужно отыскать Каспара и найти лоцмана-молчуна, – поделился Блэкбард. – Шкипер, при всем уважении, у колеса не встанет, и мели там хоть и Золотые, но мели. Так что, красotka, хороший рулевой, а Каспар был лучшим, пока не начал пить, нам нужен. Ну, а лоцмана нам найдет Молдо, верно, братишка?

– Найду, – Молдо снял колпак и почесал лысину. – Мне это как грот-мачту на Коте поставить. И давно было, и руки помнят. Эх, помнят ручки, как узлы вязать и реи брасопить, как...

– Ты главное помни, как кошки закидывать и абордажкой махать, – посоветовал Блэкбард, – это нам тоже важно будет, браток.

Хорне вздохнул, тихонько, чтобы не заметили. Грот-мачту, переднюю и косую, он как-то помогал ставить. И видел, как реи поворачивают, ловя ветер в паруса, а уж якоря-кошки, чтобы борт к борту притянуться...

«Научись булинь сперва вязать правильно, Хайни» – фыркнул в голове дедовский голос.

Научился, дед, все лето учился вязать, тебя удивить, что дался мне хитрый узел, все как нужно сплел. Эх!

– Хорошо, Молдо. – Блэкбард кивнул улыбающемуся своей жутковатой рожей толстяку. – Шкипер, нам бы еще поговорить, абордажный мастер нам не нужен?

Хорне согласно кивнул. Да, Молдо сейчас не нужен и хорошо, если его совсем не будет. Жаль, конечно, этой глупой детской мечты, но деваться некуда. Брать купца без абордажников никак не выйдет.

Молдо не попрощался, встал и ушел.

В таверне гомонили все сильнее и теперь стало ясно – почему все же «Соленый Заяц» так нужен «ночному братству». Сюда со стороны никто не сунется, а если и сунется, то быстро свалит, или его, тихонько и не торопясь, выкинут с заднего хода.

А уж вести здесь не самые мирные переговоры, это все равно как поймать зюйд-вест, подходя к горлу Узкого моря, когда возвращаешься домой. Также спокойно и уверенно, как судно летит, держа в парусах юго-западный ветер.

– Слышал, – Блэкбард снова начал набивать трубку, – ты потратился на Кота?

– Да. – Хорнэ под столом пожал руку присевшей Ньют. – Спасибо, выручил.

– Глиф дурак. – Блэкбард раскурил трубку. – Да и деда твоего не особо жаловал, ничего не поделаешь. А я хочу все правильно, если уж ты решил снова спустить Кота на воду и дать ему пройти под парусами. Сложная дорога, паренек, справишься?

– Ты же поможешь?

Блэкбард усмехнулся:

– Я готов помочь тебе сейчас, в память о Хоссте, о том, как мы рвали купцов на рейде Эрраля, спалив форт, выстроенный темнокожими. Как уходили на закат, ища путь на потерянные острова Хэй-Бразиль. Как перехватывали ветер у трех «змеев» в Длинном море. Это, паренек, не забудешь, твой дед тогда сам стоял на мостике «Мариона».

– Сестры Вирго ничего не говорили о корабле. – Хорне скрипнул зубами. – Может, ничего и не знали.

«Марион», дедовский флейкк, двухмачтовый, в две палубы и потайным трюмом, с бизанью, устанавливаемой не всегда, по пять пушек на борт, по две вертлюжных на корме с носом. Быстрый, неуловимый, с высокими бортами... Дед ушел на нем в свой последний поход. И больше о «Марионе» Хорне ничего не знал. И это плохо, ведь флейкк не просто судно, нет.

Блэкбард не ответил. Моряки, даже старые и не выходящие в море, такие вот просоленные псы, знали многое. Если бы канонир знал о корабле, точно рассказал бы.

– Сейчас мы можем осмотреть Кота? – спросил Блэкбард.

– Да. – Хорне встал. – Док закрыт лишь на ночь, сейчас еще даже не обед.

– Вот и разомнемся, заодно нагуляем желания поесть. Поешь со мной, сынок?

Хорне кивнул. И пожал протянутую ему широкую и жесткую ладонь. В его жизни опять появился кто-то, кому он мог доверять.

С моря пахло штормом. Осень входила в свои права все сильнее, от Бурке, города корабелов, стоящего на острове в двадцати милях на норд-вест, северо-запад, несло непогоду. Тучи, еще утром редкие и просто серые, копились у горизонта, чернея широкой полосой.

– Качка будет знатная, – Блэкбард сплюнул на доски, не обращая внимания на осоловело-пьяного рыбака, оставшегося в порту с утра, – если с Зеенсмарки не вернулись, потреплет их знатно.

В бухте трепало не так сильно, если не наваливался настоящий шквал, поднимающий волны до самых корзин-марсов на макушках мачт. Скалы, закрывающие город, спасали. Хорне, глядя на ворочавшееся вдалеке чудовище, радовался. Глупо, по-детски, но радовался. Выходить в море было счастьем, а шторма? Куда же мареманну, морскому человеку, без них?

Непогода – непогодой, но порт как бурлил жизнью, так и бурлил. Мимо только что провели стайку темных красоток, привезенных в дорогие бордели. Стреендам вольный город, все верно, но как эти милашки оказывались тут и почему работали – Хорне не интересовался.

– Такие чернушки на юге идут по две на серебряк. – Блэкбард затаился, провожая глазами двух последних, плавно колыхающих объемными задками под пестро-золотистыми юбками. – А здесь богатые господа из Мар-ханз, арматоры и приезжие аристократы готовы платить за одну по пятерке желтяков за полночи, брашпиль им в глотки.

– Дед не возил людей. – Хорне смотрел на трех смуглых здоровяков с хлыстами и широкими мечами-хийрами у поясов. – Считал такое зазорным.

– Ха! – громыхнул Блэкбард. – Знаешь, как Глиф потерял глаз и квартирмейстерство?

– Он был квартирмейстером?

Хорне помнил, как в детстве перепутал квартирмейстера с квартердек-мастером, квартер-басом, если по-стреендамски. Немудрено, половина мар-ланг, морского языка, пришло с Оловянных островов. И обычного ключаря-кладовщика мальчишке легко было спутать с мастером абордажа. Дед смеялся, хохотал отец, а Хайни Хорне смотрел вниз и молчал. Потому как в наказание ему снова выпало вязать булинь, а клятый узел не давался.

Но Глиф и имущество корабля, деньги матросов и офицеров в руках этого склизкого, как морской таракан, одноглазого?

– Да, Хоссе ему еще доверял тогда, а Глиф старался держаться в кильватере твоего деда, ступая прямо по его следу во всем. Но тогда...

Блэкбард кивнул на коракк Селим-бея, желтевший досками планширя, надстроенного над бортами не по-местному высоко.

– Мы взяли вот такой же, загнали его в одном из Шрамов.

Шрамы Хорне помнил.

«Пять заливов сразу за Красным мысом, между ним и Черным Югом», проворчал в голове дед. Да-да, дед, Хайни помнил науку.

– И там, в такой клетушке, в корме, держали десять смуглых красоток. Одну, как сейчас, помню... Никогда не видел таких красивых бедер у женщины, сынок. А, вперехлест ее, жизнь просоленную, через форпик!

– Глиф предложил деду их продать?

Блэкбард хохотнул:

– Не просто предложил. Мы ложились на курс к Робалле, на Зеленый архипелаг, откуда их и привезли. Дикие были, с Жемчужин, это...

– Самые восточные острова архипелага, там Робалла ловит рабов.

– Молодец, – похвалил Блэкбард, – вижу, душа у тебя уже соленая.

– Он много знает! – загордилась Ньют. – Его и дед и отец учили.

– Кишки-Вон часто о нем вспоминал, сразу, как родился. – канонир прикусил чубук и улыбнулся. – Даже диковины всякие собирал на потеху.

Костяные шары, выточенные один в одном царства Сунь. Маски из разного дерева и кожи, оклеенные разноцветными волосами и перьями, мелкими ракушками и клыками с Черного Юга. Вырезанные из рыбьего зуба крепость, ладья и лучники Беловодья. Да, дед привозил всякие диковинные штуки.

– Глиф поклялся, что отпустил девок в порту перед Робаллой, нашел им судно и посадил, заплатив капитану. А потом продал смугляшек ночью, в Подземном рынке. На его беду Кишки-Вон в тот вечер желал развлечься и отправился на бои морских котов. И увидел это дело.

– Дед лишил его глаза?

– Глиф решил помахать сабелькой, а Хоссе страх как не любил сталь у собственного носа. Глиф не помер, Кишки-Вон желал повесить его на рее в море, но оказалось, что в его записях было много интересного. Потому и дожил до дома, где собрал все, украденное у команды.

– Почему его оставили в живых?

Блэкбард хмыкнул и выбил трубку:

– Доплатил всем и каждому. Это случилось, когда твой отец не вернулся и Кишки-Вон решил подарить ему жизнь. Только уши отрезал. Легкая плата за воровство и невыполнение приказа своего шкипера. А мы ведь пришли, сынок, так?

Хорне кивнул и отправился к сторожке охраны доков. За док-басом, мастером над кораблями и хозяином здешних богатств.

Ждать пришлось недолго. Внутри дока оказалось темновато и пришлось разжечь фонари по задней стенке. Блэкбард подошел к носу, глядящему вперед оскалившейся острой морде мар-кат, хищника с лапами, умевшего забираться на скалы, скрываясь от людей-охотников и нырявшего обратно в море, разорявшего птичьих гнезда, умело загоняющего стаей, если нужно, косяки и смело боровшегося с небольшими акулами.

«Дикий Кот» был первым кораблем Херда, отца Хайни и среднего Хорне Кишки-Вон и стал первым для Хорне-младшего. И многие дедовские моряки, на проверку для будущего, сперва ходили именно на нем.

– Старый добрый Кот... – Блэкбард втянул запах корабля. – Я даже соскучился, блондеров хвост.

– Скоро вспомнишь. – Хорне смотрел на судно с гордостью. – Мы...

– Подойди, сынок. – Канонир отошел от всех и встал почти у самого водохода, выпускавшего корабль в бухту. – Ты ведь взял задаток со своего заказчика, так?

– Почему ты так думаешь?

– Потому как ты еще все же молод, хотя и Хорне. Все слухи собираются в порту, а я не слышал о каком-то там купце, идущем к Золотым мелям. И никто не слышал. Значит, сынок, нас хорошенько так наняли.

«Меня, – поправил Хайни в голове, – Меня, блоддера тебе в глотку, старик».

– Давай будем честными. – Блэкбард смотрел на качавшуюся на водорезе полоску водорослей. – Это Молдо и остальным ты мог налить в уши о призовых деньгах и проданном товаре. А я думаю, что ты уже точно знаешь – каков пай на одну голову. И предлагаю тебе поделить твой поровну.

– С чего? – Хорне решил не отпираться, не стоило.

– У меня есть кое-что, с чем нам придется куда проще.

– Скажи, что и я подумаю о трети.

– Ты смотри, рубит правду как галсы под полными парусами, весь в деда... – протянул Блэкбард. – Треть? Хорошо. Одна носовая вертлюжная и две малых каронады, по одной на борт. Возьмем купца за жабры на испуг, а, сынок? Вгоним ему ядро под киль, тут-то и встанет. Меньше придется махать сталью, меньше придется выплачивать премию, если кто из ребят погибнет. Что скажешь?

Хорне оглянулся, неожиданно пожалев об отсутствующей Ньют. Та топталась вместе с ребятами канонира. И во все глаза смотрела на них двоих. Эх...

– Ну?

Хайни Хорне, снова начать дрожать, решил спрятаться. А Хайнрих Хорне Кишки-Вон плюнул на ладонь и протянул ее старому канониру и маре-манну Блэкбарду:

– По рукам!

– Почему купец пойдет сегодня, если ты травил, что через неделю? – Молдо смотрел на Хорне, обложившегося картами с лощиями, циркулем, линейкой, таблицами миль вдоль побережья, копией портового журнала Стреендама, купленного за пяток золотых и собственными записями. В них-то Хайни и чиркал свинцовым штурманским карандашом.

Хорне зыркнул на него и вернулся к своему занятию. Тощий и нескладный, кажущийся еще чуть подростком, в куртке, высоких сапогах и уже полностью затянутом абордажном жилете вареной кожи, Хайни смотрелся немного смешно. Нос, торчащий румпелем, казался чересчур большим для худого и еще почти детского лица. Волосы торчали ежиком, переливаясь едва заметной рыжиной, доставшейся от матери.

Хорне считал. Сводил вместе увиденное, услышанное, прочитанное о скорости течения, идущего к Золотым мелям, о когте «Синяя русалка» и считал.

– А он не глуп, – Блэкбард затаился, – ты, красотка, уже поняла – какое сокровище ходит у тебя в женишках?

– Купец вышел раньше. – Хорне встал, потянулся. – Заказчик это не понимал, мы понимаем.

Моряки молчали, почти соглашаясь и дожидаясь уточнений. Хоссте Кишки-Вон ничего бы им не объяснял, но Хайни пока не он.

«Дикий Кот» стоял на якорях с вечера, прятался за липким туманом, накрывшим все на мили вокруг. Тут, на Золотых мелях, стоять всегда лучше, чем идти. Здесь баркасы по весне брали нерестовую рыбу, а большие суда заходили редко, только с хорошими лоцманами, подбирая тех на островках неподалеку. Десяток семей, живших там, тем и кормились, ну и... ну и севшими на мель, говаривали и такое.

«Дикий Кот», проведенный Каспаром и лоцманом из местных, кутался в сизый туман как бабка в пуховый платок. Низкий корабль размазывался в темноте, не зажигая фонарей,

ожидая добычу. Над мелями разошелся почти полный штиль и лишь сейчас повеяло свежим восточным. Туман начал волноваться, потихоньку пополз белесыми кусками в сторону.

– Купец вышел раньше из-за погоды и зимы за порогом. – Хорне усмехнулся, совсем как дед. – С севера идут шторма, один-два дня задержки и придется выходить ближе к берегу, тут не пройдешь. А позавчера с Доккенгарма пришел «Ястреб», и у него на корме не осталось стекла. Заледенели и их вышибло в пути. Наш купец не дурак, он вышел сразу за ним, чтобы пройти наверняка.

– Резонно, – бросил Блэкбард, – надеюсь, ты прав, паренек. Почему здесь? Мы еле пролезли между песками и стоим опасно. Большой воды тут не так много.

– У него малый когт, осадка небольшая, именно здесь ему хорошо ускользнуть от кого угодно. – Хорне постучал по выцветшей карте. – Норги сейчас уже вытащили «драконов» на берег и не выйдут в море, кроме сторожей, шастающих до Бурке. Их купец боится не меньше, чем наших, включая таможенников. А те как раз ждут контрабандистов там, откуда мы пришли. И наши пересели на флейкки, уже года два. «Дикий Кот» стоит в доке столько же, о нем никто не помнит, и только он смог пройти сюда. Но купец же этого не знает, верно?

– А дед-то и впрямь молодец, – Блэкбард кивнул, – натаскал тебя, не хуже борзой на зверя. Шторма с севера, низкая осадка и срующийся со страху купец-пройдоха. Все сходится... значит, ждем.

Они ждали. Стоя на палубе, на мостике, шкафуте и баке. На юте, с кормы, торчали два наблюдателя. Туман осаживался холодной моросью, и даже без ветра всех равно студило через куртки и накинутые плащи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.